

Воспоминания об отце Понтии Рупышеве

Варвара Николаевна Корецкая

Из воспоминаний о дорогом батюшке

Вечер 31 декабря 1939 г.

Сегодня ровно год, как я видела дорогого батюшку в благодатном свете. Он тогда уже был нездоров, но ходил и ездил в церковь. Накануне дня Обрезания Господня сам не служил, а читал на клиросе и пел, так как почти все сестры певчие были больны. Батюшка пел вдохновенно, сердца молящихся согревались от его пения, было легко молиться, но сердце у меня болело и было тревожно на душе. После Великого Славословия батюшка сказал, что поедет домой. К калитке нас провожали Анастасия Николаевна и Вера Степановна Мешковская¹. Когда мы отъехали от калитки, я увидела сильный свет, как электрический, который блеснул из-за батюшкиной спины. Я подумала, что это Анастасия Николаевна светит нам своим фонариком, и удивлялась, зачем она это делает, когда и так видно. Батюшка сидел молча, немного согнувшись от усталости. Я держала рукав его рясы, так как ветер был в лицо, и я боялась, чтобы батюшку через рукав не продуло. У поворота дороги я повернула голову, чтобы увидеть, откуда свет. Обернувшись, я ничего не увидела: свет пропал, а Анастасии Николаевны и Веры Степановны уже не было у калитки. Когда я приняла прежнее положение, свет опять появился за батюшкиной спиной и падал вдоль саней и дороги с батюшкиной стороны и захватывал даже Черного². Он был какой-то голубой и поразительно мягкий и приятный. Я осторожно, чтобы не беспокоить батюшку, опять обернулась, и опять ничего не увидела. Так было до трех-четырёх раз: свет пропадал, когда я смотрела назад, и потом опять появлялся. Тогда я поняла, что это благодатный свет. Душу охватила какая-то тишина, ехали молча. Вера Ярошук тоже сидела тихо на козлах и даже не покрикивала на Черного, который бежал ровно, не замедляя хода. Когда въехали на гумнище, свет исчез. Мою душу охватила какая-то тревога, что что-то случится. Когда я

пришла к батюшке в большую комнату, я рассказала, что видела благодатный свет. Батюшка сказал: «Вот как хорошо, нам сопутствовал столп света, как Израилю, а может, это был и Ангел-Хранитель. А как же я ничего не видал, хотя помню, что, отъезжая от калитки, увидел блеснувший яркий свет, но я подумал, что это Анастасия Николаевна светит». На другой день я спросила Веру, заметила ли она что-нибудь, когда мы возвращались из церкви. Вера сказала: «Да, видала свет, и он исчез, когда въехали на гумнище, мое сердце затревожилось, почему он пропал у нас на дворе».

1 января³ батюшка сам служил литургию, но был слаб и Евангелие читал сидя. Вечером он опять пел на клиросе, но так пел, что кто слышал, не забудет никогда это пение. Мое сердце словно обливалось кровью, я не думала о смерти батюшки, но в сердце кто-то стучал и говорил, что «ты последний раз слышишь батюшкин голос», и слезы набегали все время. Несмотря на горечь, в сердце чувствовалась какая-то сладость и покорность воле Божией. Возвратясь из церкви, у себя в домике батюшка меня спросил: «Ну, как я сегодня пел?» Я ответила: «Украшали весь хор». Он сказал: «Ах, как ты меня обрадовала, так сказав». Я с грустью сказала: «А мое сердце кровью истекло от этого пения», — и дальше я ничего не могла сказать, чтобы не заплакать. Батюшка улыбнулся, посмотрел на меня и спросил: «А как ты думаешь, что лучше: петь и славить Бога и умереть или не петь и все равно умереть?» — «Конечно, петь и умереть», — ответила я. На другой день, 2 января, в день св. Серафима Саровского, батюшка служил у себя в молельной. По окончании литургии уже с трудом, с помощью Веры Степановны, разоблачился, а вечером слег, чтобы больше уже не встать.

Кто знал батюшку, тот не может отрицать, что и наружность у него была исключительная. Я не встречала человека с такой наружностью и, верно, больше не встречу. Вся его внешность была одухотворенная и отражала святость. Но святость была не только на лице и во всем его образе, но отражалась даже на одежде. Особенно ярко это было видно в храме, когда он совершал богослужение. В молитве весь вид батюшки был неземной, и облик его был как бы прозрачный и воздушный. Когда он «уходил» в молитву, его изможденное подвигами и болезнями тело и лицо делались особенно красивыми, и

невольно хотелось тогда преклонить колени перед таким великим пастырем и носителем истины и ига Христова. Нельзя было глаз оторвать от него, а душа тянулась куда-то ввысь, и чувствовалось, что батюшка силой отрывал молящихся от земли и приближал их души к Богу. Каждое слово его молитвы западало в душу и стучало в сердце как живое, пробуждая в нем покаяние, страх или радость, мир и др. чувства. Душа получала то, что кому было нужно. Батюшка так молился, и чувствовалось, что он говорит с Богом и Господь его слышит. Но и в обыденной жизни его наружность обращала на себя внимание. Я сама тому свидетельница, что когда он ходил по улицам города, прохожие останавливались, глядя на него, и часто я слышала, как спрашивали друг у друга: «Откуда этот священник?» Неоднократно, когда батюшка заходил в магазин за покупками, продавец или продавщица заглядывались на него, забывая о своих обязанностях, и, когда батюшка с улыбкой спрашивал, в чем дело, почему они на него так смотрят, они откровенно говорили, что редко увидишь такое лицо и что смотреть на него можно без конца, особенно в глаза. Батюшка, как всегда, пользовался этим моментом, когда через него Господь действовал на сердца и души людей, начинал говорить о Христе, вечной жизни и о душе. И что это было за слово! Оно жгло сердца и восхищало ум! Ему было все равно, кто его слушает: еврей ли, католик или православный. Он пользовался той минутой, когда душа человека принимала слово Божие. И как часто приходилось видеть, когда слушатели утирали слезы, которые появлялись при первых словах батюшки. Такая сила любви была в них, что еврейки, чуждые учению Христа, плакали, слыша о Нем, и надо было видеть их лица: на них отражалась новая жизнь, еще совершенно им неведомая. Недаром одна еврейка, которая писала батюшке, прося об исцелении ее от болезни, называла его, что он для них «новый рай». Многие находили, что батюшка наружностью очень похож на Иисуса Христа, и этого отрицать нельзя. Батюшка мне сам рассказывал, что когда он жил со своим семейством в Петрограде (года я не помню), то однажды, когда ехал в трамвае, к нему подошел какой-то иностранец и предложил полное содержание его семье и воспитание детям, какое он захочет, и самому ему

большое жалование, лишь бы он согласился ехать с ним, кажется, в Африку. Он объяснил батюшке, что у них есть там музей личностей исторических, библейских и новозаветных. Они не могут найти человека, похожего наружностью на Иисуса Христа, и, увидя батюшку, он был так поражен таким сходством, что тут же и сделал предложение. Деньги предлагал очень большие, но батюшка, конечно, отказался.

Я имела счастье жить неотлучно около батюшки восемнадцать лет и всегда поражалась богатством дара слова, мысли и глубины ее, красноречия, которыми он обладал. Всегда за все эти годы он говорил все новое и новое. Если тема была та же, то мысли были уже более глубокие. Батюшка приспособивался к слушателям, которые никогда его не смущали. С простыми людьми говорил просто, а кто мог воспринять больше, с теми говорил иначе. Его беседы всегда были глубоки, интересны и захватывающи. При первых словах беседы завоевывал все внимание слушателей. Слог его был простой и для всех понятный. Слушая его благодатные слова, душа воспринимала их легко, чувствуя, что получает, что ей нужно, и что-то близкое и дорогое.

Часто приходилось ездить с батюшкой по приходам и часто слышать его проповеди и беседы с народом, и всегда все для меня было ново. Я помню одну речь, с которой батюшка обратился к пастырям. Говорил просто и держал себя скромно, все стояли, так как заговорил, когда встали от обеда. При первых словах все стихли, а потом вскоре послышалось всхлипывание — плакали матушки, которые были со своими мужьями. Тема была: жизнь для пастыря — Христос, и Он все для него. Впечатление было очень сильное, и батюшка сам, как всегда, по своему смирению не ожидал такого, и когда пастыри благодарили его, вид у батюшки был смущенный, а лицо и весь его вид дышали такой любовью и к Господу, и ближним, что невольно соединило всех присутствовавших как бы в одно целое. Я чувствовала, что душу охватывает какой-то восторг, люди так меняются от слов его.

Однажды я спросила: «Откуда это у Вас, батюшка, такое богатство?» Он только улыбнулся. Не мне это было

спрашивать, я же знала, что Господь жил в батюшке и действовал чрез него. Ведь он всю свою жизнь отдал Ему и Им только жил! Что же удивительного в том, что батюшка имел и дар слова, и дар любви, и другие дары, и весь вид его походил на Христа. Живи Им, и будешь Его! Также он имел дар предвидения. В 1922 году я шла с батюшкой по городу Вильно, помню, это было около вокзала. Шел молча, опустив голову, я тоже молчала. Затем поднял голову и, обратившись ко мне, сказал: «Какой ужас, какие скорби, какое несчастье ждет Польшу!» Я спросила: «Почему Вы так говорите, батюшка?» Он сказал: «Я это вижу». — «Как же Вы это видите?» — спросила я с удивлением. «А вот смотрю на военных и вижу, что ждет Польшу». В эти годы Польша только возрождалась, и я подумала, что будет какая-то неудача, а потом и забыла эти слова, и только теперь, уже после батюшкиной смерти, когда разразилась эта ужасная война для Польши, я вспомнила слова дорогого батюшки, которые исполнились через 17 лет. И правда, какой ужас! За две недели перестало существовать целое государство! Какая скорбь и какой урок смирения для поляков.

Батюшка своим духовным взором видел за сотни верст не только самого человека, но и его состояние и потребность души. В 1921 году, когда батюшка еще не жил у нас, но только часто приезжал, не помню уже причины, но у меня было очень тяжелое состояние. С таким состоянием и тяжестью на душе я легла спать, но, конечно, спать не могла. Душа скорбела, что и батюшка далеко и не может мне помочь, т.к. он был послан на приход епископом Елевферием (Богоявленским). Я лежала с закрытыми глазами, но не спала. Вдруг вижу, надо мною наклоняется батюшка и смотрит мне в лицо. Он был в своей кожанке, лицо и глаза молитвенные. Я ясно чувствовала близость батюшки, и на меня пахнуло той благодатью, которую я всегда чувствовала в его присутствии. Я так обрадовалась, что чуть громко не вскрикнула. Когда открыла глаза, то никого не увидела, но почувствовала, что тяжесть вся пропала, на душе было легко и свободно. Посмотрела на часы: было два часа ночи. Я запомнила число и день, чтобы спросить батюшку, как это я его видела и что это такое было. Когда он вернулся с прихода

и приехал к нам, то я его поблагодарила, что он мне помог. Батюшка улыбнулся и спросил: «А когда это было?» Я сказала день и час, и он ответил: «Да, это правда, я за тебя молился, т.к. меня побуждал к тому дух, зная твое состояние», — и взял свой дневник, где было отмечено это число, когда он молился за меня, два часа ночи, в дороге, он куда-то ехал.

Другой случай — это с письмом. Епископ Елевферий в Великом посту послал батюшку на приход в Бакшты. Это было в первый год моего знакомства с ним. Моя душа во многом не могла еще разобраться и находилась часто в трудных состояниях, из которых всегда выводил меня батюшка. Мне была тяжела разлука с ним на такое долгое время, и я решила ему написать, хотя и не была уверена, что мое письмо еще застанет его в Вильне. Батюшка мне сообщил, что я могу ему писать через мать Нину⁴, которая знала его адрес, и что она перешлет ему мои письма. Я написала письмо, прося ответа на вопросы, которые меня тревожили, и т.к. сама ехала с Марией Николаевной и Анастасией Николаевной в город, то и решила его передать матушке Нине лично, чтобы она его скорей переслала, если батюшка еще не уехал из города. По дороге мы ехали лошаадьми, нас встретила наша прислуга Оля, которая возвращалась из города. Она нас остановила и передала мне письмо. Письмо было от батюшки. С какою радостью я его распечатала и с каким удивлением его прочла! В письме был ответ на все мои вопросы моего письма, которое еще лежало в моем кармане. Батюшка писал мне все, что мне было нужно, и невольно со слезами я читала это чудное письмо и благодарил Бога, что Он послал мне для спасения дорогого батюшку. Приехав в город, батюшку мы уже не застали. Письмо м. Нине я не передала, так как ответ уже был получен мною. Потом я не раз получала такие письма от батюшки. И это было не только со мной, но подобные случаи я слышала и от других лиц, которые имели общение с батюшкой. Однажды, возвращаясь с батюшкой из церкви, я сказала: «Какой Вы, батюшка, счастливый, что Вы видите всю душу у человека и ничего не может от Вас скрыться». Батюшка задумчиво сказал: «Не говори так, это нелегко — видеть грехи

и всю мерзость в человеке и относиться к нему по любви. Это очень тяжело, это крест, а не счастье иметь этот дар». И правда, все, кто ни обращался к нему, чувствовали от него такую силу любви, что батюшка делался самым близким для него человеком, и душа каждого раскрывалась легко и свободно. При первой встрече казалось, что батюшку уже знаешь давно и что это единственный человек, которому можно все сказать. Эта любовь открывала сердца людей, которые шли к нему за сотни верст, лишь бы только поисповедоваться. Однажды я спросила одного богомольца, почему он пришел из такой дали и так скоро уходит. Он мне просто ответил: «Я слышал, что есть такой священник, которому все можно сказать, и душа открывается, вот и пришел, чтобы только поисповедоваться, а то тяжело было, что всю жизнь не находил такого человека». А ведь ему было под семьдесят лет! И люди уходили от батюшки с радостною душою и с надеждой, что есть спасение и будущая жизнь. А какие приходили... Трудно передать словами ту поразительную перемену, которая происходила с человеком после исповеди или даже после разговора. Неверующий становился верующим, грешник менял резко свою жизнь и служил примером для других, пьющий бросал пить. Тот, кто был задиристый, — становился кротким, и эта перемена была такая резкая, что люди, которые не верили в силу Божию, распускали слух, что у батюшки есть какая-то сила — «некая магия» не то гипноз, что он так меняет людей и к себе притягивает. Люди не хотели видеть в нем силу Божию, которая действовала чрез него и приводила людей ко спасению. Грустно то, что не только необразованные принимали благодать Божию за «магию», но ведь и образованные и даже верующие не хотели разобраться и считали, что батюшка действует гипнозом, а не верой и силой Божией. Какой упадок веры в наше время! И недаром батюшка часто со скорбью говорил, что не хотят люди жить Христом, а живут своим богом — самостью, что вера гаснет и держится еще только в народе и то мало, и что людей ожидает гнев Божий. Спросила однажды батюшку: «Почему Вы, батюшка, так редко исцеляете, ведь Вы все можете выпросить у Бога?» — «Да, ты права, — ответил он, — все можно выпросить у Бога, и я чувствую, что Господь не

откажет... Но разве можно теперешних больных исцелять? Для чего им нужно здоровье? Для своих страстей. Их исцелишь, а как они будут жить! Вот и можно только того исцелять, кто, получив здоровье, станет жить Господом, а не служить своим страстям. А исцелять всех, то только принесешь вред их душам, да и сам понесешь ответ перед Богом».

Божия благодать так сильно действовала на людей через батюшку, что даже сектанты не могли устоять и в своем слепом заблуждении считали батюшку то за св. Иоанну Предтечу, то за Бога Отца, и никто не мог их убедить, что это не так. Помню, пришла к нам группа сектантов. Самый главный из них пожелал поговорить с батюшкой. Батюшка его принял у себя в «большой» комнате. Я присутствовала при разговоре. Сектант начал первый говорить. Жалко было слушать этого человека, чувствовалось, что душа его искала истины и заблуждалась, и что так ясно для верующего православного, для него было непонятно, и ум утомлялся, слушая его безумный бред и извращенное толкование Священного Писания. Батюшка сидел молча, опустив голову, изредка поглядывая на говорившего и ни слова ему не возражая. Когда кончил говорить Павел, батюшка сказал тихо с улыбкой: «Хороший ты человек, брат Павел, но во многом ты заблуждаешься». И стал ему объяснять все неправильные поступки в его жизни. Говорил тихо и ласково, не затрагивая его убеждений, а указывал только на то, что он делал неправильно в жизни по отношению к своей семье, на неправильный «подвиг» его жизни, и под конец только сказал, что желает ему познать истину для вечного спасения. Павел сначала слушал батюшку со снисходительной улыбкой, но чем больше батюшка говорил, тем лицо его делалось серьезнее и вдумчивее, потом он быстро вскочил, подошел к батюшке и сказал: «Знаете, кто Вы такой?» Батюшка спокойно сказал: «Знаю». — «Ну, кто же Вы такой?» — спросил Павел. Батюшка улыбнулся и сказал: «Ты хочешь знать, кто я такой, — я первый грешник». Павел сделал знак протеста и воскликнул: «Нет, Вы — Иоанн Предтеча, от меня не скроетесь», — и хотел поклониться в ноги. Батюшка его остановил и с огорчением сказал: «Ну, вот что ты выдумал».

Павел ушел, а батюшка пошел в церковь служить вечерню. Когда вошли в церковь, там уже был Павел и его спутники: двое мужчин и несколько женщин. При входе батюшки все поклонились ему земным поклоном. Батюшка строго сказал: «Кланяйтесь Богу, а не человеку». Сектанты, не вставая с колен, ответили: «Ты Бог Саваоф, тебе и кланяемся». Батюшка махнул рукой и, подойдя вглубь церкви к аналою, стал смотреть книгу, как служить. Сектанты тоже подошли и стояли около, смотря на него. Вдруг батюшка быстро обернулся к ним и сказал: «А кто же из вас видел когда-нибудь Бога Отца в очках?» (он был в пенсне). Все опешили от такого вопроса и молчали, только одна молодая женщина бойко ответила: «Не видала раньше, а теперь вижу», — и опять поклонилась. Батюшка с досадой махнул рукой, ушел в алтарь и начал служить. Всю службу сектанты усердно молились, кладя поклоны. На другой день они ушли с твердым убеждением, что в батюшку вселился Сам Бог Отец и Иоанн Предтеча; в их бедных и заблудших умах все укладывалось.

Батюшка входил во все наши земные нужды. Все прибегали к нему в своих хозяйских горестях. Не хватает корму — просим его благословить, и корму хватает, еще и остается на будущий год. Нападет моль и черви на зерно — опять к нему. Батюшка обойдет все оруды⁵, благословит, и через несколько дней черви пропадают, и мы избавлены от тяжелой работы перечищать зерно, и то эта чистка помогла бы только на короткое время. Заболеет ли цыпленок — курятница и с ним идет к батюшке, что цыпленок не ходит. Батюшка возьмет его в руки, подержит, и цыпленок начинает ходить. Приведу несколько случаев в моем хозяйстве. У нас была корова Краса, очень хорошая на молоко. Я и сестра Лиза (скотница) все хотели оставить на племя от нее телочку, но корова все приводила бычков. Наконец привела долгожданную телочку. Но, увы! Теленок появился на свет калекой: суставы задних ног были согнуты, и телочка ходила не на копытцах, а на согнутых суставах. Она была большая, и мы с Лизой решили ее оставить, думая, что это от слабости сгибаются суставы. Прошла неделя, а ножки не поправлялись. Все мы испробовали: и бинтовали ноги, даже ставили в лубки, ничто

не помогало. Наконец Лиза сказала: «Только батюшка может помочь, попросим его благословить телку». Я сказала: «Попроси, и Бог даст по твоей вере». Через несколько дней Лиза рассказала мне следующее: «Я подстерегла, когда батюшка вышел погулять на двор, и попросила зайти в хлев, чтобы благословить теленка. Он сейчас же пошел. Когда вошли в хлев, батюшка благословил теленка, который лежал. Я полезла в загородку и согнала теленка, чтобы показать батюшке его ноги. И вдруг он вскочил, начал прыгать, и я вижу, что ноги уже здоровые и не сгибаются. Я всплеснула руками и вскрикнула: “Ай, батюшка, он скачет, как евангельский калека, от радости, что здоров”, — батюшка только улыбнулся и вышел из хлева». Лиза рассказывала, и слезы радости орошали ее лицо. Телочка выросла и после смерти батюшки была продана.

Другой случай был с лошадьё, которую сплечил⁶ рабочий, ударив дышлом о забор, когда невнимательно поворачивал. Через несколько дней Лысый, — так звали коня — отказался тянуть воз, больное плечо не позволяло ему лечь в хомут. Что делать? Время было летнее, работы много. Повели Лысого к батюшке под крыльцо. Батюшка вышел, похлопал его по больному плечу и сказал: «Ну что же это ты, работай, работай», — и благословил. На другой день Лысый пошел на работу.

Раз, идя с батюшкой в церковь, — а дорога шла мимо огорода, засаженного капустой, — я попросила его: «Благословите, батюшка, капусту, чтобы черви пропали, а то так напали, что трудно с ними бороться». Батюшка молча благословил. На другой день я опять с ним шла мимо огорода, посмотрела на капусту и увидела удивительную вещь. Черви сидели кучками на капусте, но не живые, а некоторые висели, как сухие палочки. И когда я, нагнувшись, их тронула, они отвалились. Так Господь сотворил чудо через Своего праведника.

Другое чудо с капустой случилось в последний год жизни батюшки. Опять черви напали, и так рано, что трудно было думать, что капуста завьется в кочаны. Опять попросила благословить огород. Батюшка посмотрел на капусту, не благословил, но сказал: «Хватит червям, хватит и для вас, и еще останется». Так и было. Не только хватило для нас и

червей, но и продавали по высокой цене. Батюшкины слова как всегда исполнились.

¹ Вера Степановна Мешковская, медсестра.

² Кличка коня.

³ Даты указаны по старому стилю.

⁴ Игуменья православного женского монастыря во имя св. равноап. Марии Магдалины в Вильнюсе. Основан в 1864 году.

⁵ Оруды — зернохранилища (*местн.*).

⁶ Сплечил — вывихнул сустав.

Александра Максимовна Царик

Выписки из дневника (1939–1944 годы)

Дело спасения души — дело трудное, скорбное, серьезное, значит, надо заранее обречь себя на терпение и с Божией помощью жить.

Александра Максимовна Царик (28.10.1906–01.11.1964) приходится племянницей отцу Понтию. Она прибыла в Меречь-Михново в 1922 году вместе с матерью, родной сестрой о. Понтия Екатериной Петровной Царик (урожденной Рупышевой), из Вильно, затем продолжала учиться и работать в городе. Окончила женскую Русскую гимназию для православных детей Л.И. Поспеловой¹ в Вильно. Окончательно переехала в Меречь в 1937 году. Обладала литературным и художественным талантами, писала стихи, иконы, которые потом дарили именинникам. Составила иноческий календарь (1958 год). Вела дневник, в котором отразила жизнь общины в военное лихолетье, когда не было уже дорогого батюшки, а старших вывезли в ссылку. Спокойная и уравновешенная, чуткая и сострадательная, деликатная в обращении, имеющая подход к душе человека, она стала помощницей, а затем и преемницей Варвары Николаевны. Во время высылки Варвары Николаевны была старшей сестрой на участке Гай.

2.03.1939 г. Батюшка не оставил нас и из загробного мира следит за своими духовными детьми и помогает им. Великий

светильник батюшка, и очень немногие это видят, знают, понимают. Я поздно пришла в Меречь и всего лишь полтора года пожила при батюшке, но Господь и так дал мне так много, что я не могу выразить словами значение того, что я получила. Господь судил мне жить на участке Варвары Николаевны, видеть и слышать батюшку каждый день, а ведь у батюшки ни одного слова не было даром. Правда я не вмещала всей любви батюшкиной и поэтому, верно, не имела к нему дерзновения. Даровал мне Господь быть и все время в последней болезни при батюшке и быть при нем и до последнего его вздоха. Я видела кончину праведника, поразительное было выражение лица батюшки: полное смирение пред волей Божией. Умер батюшка, то есть нет его между нами на земле, но я еще не могу примириться, т.е. принять эту мысль, в моем сознании все еще живет, что батюшка не ушел, но где-то живет, может, очень далеко.

11.05.1939 г. Как у меня сегодня душа болит о батюшке и Варваре Николаевне! Чувствую тревогу и живу прямо в напряжении, все чудится, что не сегодня-завтра В.Н. умрет, и уже люблю как только умею, и никаких протестов не чувствую, и готова все от нее понести. Проживу день и благодарю Бога, что провела его вместе с В.Н. Загляну в будущее, и сердце сжимается от тревоги, от той ответственности перед Богом и батюшкой, которую придется нести. Чувствую свое полнейшее бессилие и немощь, а только надеюсь на Господа и на батюшку.

25.08.1939 г. Вчера по общей мобилизации были взяты братья² Николай и Владимир, Трифон и Михаил П. Мы служили молебен и просили за них батюшку. Молебен был Господу, Божией Матери, а батюшку каждый из нас усердно просит, и все получаем и ощущаем батюшкину помощь. Он наш великий покровитель. Как хорошо, что Господь забрал батюшку. Надвигаются великие испытания, и они уже не коснутся батюшки, и нам он большой помощник.

18.10.1939 г. Как ужасна современная война, не прошло и месяца, а уже разрушено два государства, может, и еще что случилось, но мы не знаем, газет нет, а слухи так часто обманывали, что верим теперь только своим глазам и иногда своим ушам. По великой милости Божией мы живем по-прежнему, порядок жизни почти не изменился. Конечно,

тягость войны и беспорядка легла и на нас, пришлось и имуществом несколько поплатиться, но все это ничего. Вернулись и братья за исключением Трифона и Бориса Александровича. Познакомились мы с большевиками, а теперь сидим, кажется, без всякой власти. Тяжелы были переживания во все это время и, конечно, им еще не конец, но мне чувствуется, что придется пережить еще рано или поздно нечто еще более тягостное, а может, и ужасное. Это нам нужно будет, чтобы окончательно смириться перед Промыслом Божиим, друг перед другом, чтобы отказаться от самих себя, от своей плотяности и душевности. Матерь **Божия** явно хранит нас: так дороги Ей те, кто хочет жить Господом, но мы, как я вижу, неблагодарные дети, не хотим понуждать себя к добру, к смирению и послушанию друг перед другом, не оказываем достаточной любви взаимной и может нас постичь нечто горшее. Предаемся распущенности: то одежда не нравится, то — пища, а то и еще что выищем. Конечно, не все сестры таковы, но из-за виновных потерпят и невинные. Таков закон жизни, такова воля Божия.

21.10.1939 г. У нас в доме и так скорбь: наши дорогие должны были скрыться от злых людей и теперь терпят и холод и голод, а о страданиях души что говорить. Был сегодня за них молебен. Очень чувствуется в церкви, что их нет.

24.10.1939 г. Наши уже не скрываются, но с осторожностью пребывают дома. Господь и на этот раз оказал нам Свое милосердие.

24.11.1941 г. Как давно уже не писала. 14.06.1941 г. вывезли Варвару Николаевну и Анастасию Николаевну, а куда — неизвестно. Не буду описывать, как это произошло, сестры уже пишут свои воспоминания об этом горестном событии. Твердо верю, что все произошло Промыслом Божиим. Марию Николаевну и Вячеслава Платоновича Господь скрыл, и они теперь с нами. Вот и произошло в нашей жизни то ужасное и тягостное, что предчувствовала душа, и я уже об этом писала. Но мы, братья и сестры, продолжаем жить. Кажется, спотыкаемся и падаем больше прежнего, но все же стараемся вставать. Жизнь течет как-то тревожно, напряженно. Сразу все заботы свалились на наши плечи, и

приходится не на словах, но на самом деле поднимать немощи друг друга, и приходится смиряться перед жизнью, перед волей Божией.

26.11.1941 г. Сразу же после отъезда Варвары Николаевны посыпались на нас скорби скорее внешние, паче хозяйственные. Мне было ясно, что это Господь попускал их нам, а почему? — На это Его святая воля. Сестры нервничали, но смирялись. Кто как себя вел и ведет теперь, после разлуки с В.Н.? Могу сказать: разно. Большинство — благодарно, мужественно забывают свои всякие нестроения душевные и тяжесть и входят в общую жизнь и действуют в ней, но, к сожалению, есть и такие, что спотыкаются на мелочах. И все же это не страшно, п<отому> ч<то> и среди них действует покаяние.

10.12.1941 г. К.О.³ <Константин Авдей> поехал сегодня в Вильно: требуют хлопоты о священстве. И может, Бог даст, вернется Варвара Николаевна, а он будет отец Константин. Отец Павел дряхлеет и слабеет на глазах, во время богослужений делает паузы, и я тогда невольно вспоминаю батюшкины службы. Бывало, батюшка быстро идет в церковь, и мы все едва поспеваем, время уже начинать и тогда батюшка — в алтарь; облачится и возглас, не успеешь иной раз и на место свое стать. Такой живостью батюшка как бы образно подгонял нас в Царство Небесное. Какая жизнь чувствовалась в батюшкиных богослужениях, все равно, будничное ли оно было или праздничное, а ведь и всюду с батюшкой как было хорошо, бодро, спокойно. Вот уже через несколько дней и полгода, как Варвару Николаевну вывезли. Приближается ли к концу наша суровая школа жизни? Думаю — да, п.ч. и я уже начинаю изнемогать.

25.01.1942 г. Вот и 1942 год пришел. Костя уехал в Вильно, а оттуда, если Бог позволит, — в Минск и посвящаться. Хотя время стоит и трудное и опасное, в особенности не следует разлучаться с семьей, но я рада, что он поехал, хотя бы даже и в Минск. Господу будет угодно, Он с края света вернет его домой, а К.О. уже созрело время становиться на крестный путь. Люба так и не вернулась продолжать нести подвиг жизни. За нею на ее родину были посланы сестры Оля Я. и Лидия З., чтобы Люба имела возможность вернуться. Сначала она склонилась было идти домой, но потом наотрез

отказалась. Говорят, она наклеветала и на нас, и на нашу жизнь. Что случилось с ней, что мы стали ей такими чужими? Как жалко, жалко, что так легкомысленно человек сам разрушает свою жизнь будущую, и в настоящей она не увидит ни счастья, ни покоя. А ведь Господь ей много дал, она имела дар видений, душа ее была ревностная и чуткая. И вот появилось желание хоть глазком взглянуть на мирскую, ту, свою прежнюю жизнь. Борьбы не вела, желание исполнилось, но она не только взглянула, но и окунулась и осталась вся, потянувшись душой к земной плотской жизни. Я все жду, что она раскается и потянется опять к нашей жизни и пожелает опять встать в наши ряды. Что-то тогда будет? Какова будет сила ее покаяния, примет ли ее батюшка опять в свое стадо?

27.01.1942 г. И еще один день прожит, и слава Богу за него. Сегодня я имела возможность сравнить свои переживания на всех трех участках и вот что нашла: на участке Марии Николаевны — тяжесть, у Анастасии Николаевны — свободу души и чувство множества, а у нас — напряжение и печаль. Что касается напряжения, то я его переживаю почти всегда и успокаиваюсь немного, когда сестры полягут спать. Утром вставать не хочется при мысли, что нужно входить в жизнь или, как говорит Аня Я., не хочется выходить на подвиг.

16.02.1942 г. Ну, какую радость Господь послал: Костя приехал отцом Константином. Было как раз вечернее богослужение, все сестры и братья были в церкви, потому что первый день Великого Поста. Когда он вошел в алтарь, то я пережила вместе и радостное, и что-то скорбное. И как хорошо, что сразу же и отслужили Господу благодарственный молебен за о. Константина. И брат Трифон на днях вернулся из плена, теперь с большей верой и надеждой будем ожидать и возвращения Варвары Николаевны и Анастасии Николаевны. Вместо Любы приняли другую сестру: Веру Озончик (Азончик), но если бы и Люба вернулась и принесла покаяние!

25.02.1942 г. И радость, но и скорбь: о. Константину нельзя было совершать богослужений у нас, потому что он не нашей епархии. Конечно, через людей действует враг, но просим Господа и батюшку и верим, что все будет благополучно. Только что была неожиданность: приехала Люба и явилась к

нам на участок, но я не могла уже ее принять, потому что она не сестра наша. Первое мое впечатление от нее было неблагоприятное. Какая-то тупость и грубость. Бедные души, если бы они не шли за соблазнительным грехом! Не чувствовалось от нее и покаяния и сожаления о совершенном. О. Константин и Вячеслав Платонович поехали сегодня в Вильно хлопотать о разрешении служить о. Константину.

27.11.1942 г. Сегодня выправила Алексея в город делать крупу и просила Божию Матерь и батюшку, чтобы была ему и с ним путешествующим удача и благополучие. Вечером читала сестрам батюшкины записи благодатных мыслей. Какие там возвышенные, глубокие и действительно благодатные по своему действию на души мысли! По прочтении я почувствовала, как все мое существо наполнилось жизнью. Хочется, чтобы и на сестер живительной струей действовали эти батюшкины записи. Иосиф, говорят, спал, но он ведь еще начинающий в духовной жизни, меньше чем младенец.

1.02.1943 г. Сегодня день посвящения о. Константина в дьяконы, ровно год, как он посвященный служителем Божий. Есть в этом событии и одно замечательное совпадение: сегодня день смерти Татьяны Николаевны Корецкой. У Анастасии Дементьевны, когда умерла ее дочь, в тот день возникла мысль построить храм Божий, а о. Константин в этот же день и посвятился, чтобы служить в этом храме. У Господа на все есть Свой план, но человек часто грехом своим противится планам Божиим или воле Божией.

Год пролетел незаметно, хотя и скорбное мы переживаем время. О. Константин, несмотря на свою болезненность, у него грудь слабая, полон жизни и энергии.

17.03.1943 г. Скончалась Анастасия Дементьевна, мать наших старших. Да, с ее смертью жизнь духовная получает большую свободу, потому что хотя Анастасия Дементьевна была и в сильно смиренное состояние поставлена Промыслом Божиим, но с нею держался еще в доме светский элемент. Мария Николаевна спокойно и мужественно переносит смерть матери.

10.05.1943 г. На днях было новое испытание. Третьего мая была лошадиная комиссия военная. С участка Анастасии Николаевны пошло шесть лошадей, и ни одна не вернулась, с участка Марии Николаевны забрали одну, а с нашего участка все вернулись домой. Вот и еще раз Господь оказал особое Свое хранение и снисхождение к нашему участку. Почему? — Не буду в этом разбираться, конечно, не ради нашего достоинства. Только чувствую, что мы в ответ на это должны еще более усилить свой внутренний подвиг, ведь не для благодушной жизни сохраняет нам Господь хозяйство. Интересный был момент с этой комиссией, конечно, это было чудо и это было делом дорогого батюшки. От нас повели три лошади, потому что Шведка вот-вот должна была ожеребиться и осталась дома. Лошадей на комиссию привели мало, и потому немцы брали, мало бракуя. Нашего Сивака забраковали, что старый, Каштанка оказалась слабой на ноги, а с Малым такая вышла вещь. Когда въехали в город, конь вдруг захромал, и на комиссии, когда его вели перед немцами, он так хромал, так волочил ногу, что те отказались от него совсем, хотя и с большим сожалением, потому что лошадь очень хорошая была, круглая, блестящая. Вернулись кони домой, возблагодарила я Господа, батюшку и Матерь Божию и решила помочь и Михновским сестрам. Дали мы им на работу Каштанку, одну из лучших лошадок. Они очень были рады, потому что думали, хоть бы Сивака получить. Но раз помогать, то чтобы действительно помощь была. Но надеюсь, что батюшка и дальше им с лошадьми поможет. Только что кончилось дело с лошадьми, как опять новое испытание; новое требование властей, чтобы дали 60 человек работников: куда — неизвестно, со всех трех участков, а нас всех около 120 человек. Конечно, это невозможно, у нас и так не хватает рабочих рук, а тут еще и коней забрали. И опять наши моления к Господу, Божией Матери и батюшке, потому что это наша единственная и самая надежная защита. Да, я забыла приписать, что «Малый», как только съехал со двора комиссии, престал хромать и теперь не хромает. Иначе как чудом я этого не могу назвать.

12.06.1943 г. Когда-то, давно еще, когда я смотрела, как пишет иконы матушка София, или смотрела на работу

Варвары Николаевны, то с сожалением думала: а для меня это недостижимо. Но все-таки попробовала и акварелью написала две иконы, то есть Божию Матерь и св. великомученицу Варвару. Написала и остановилась. И вот теперь опять начала, но уже масляными красками. Написала брату Трифону его святого и портрет дорогого батюшки. Я знаю, что таланта у меня никакого нет, но работа эта меня очень привлекает. А я думаю, не ждут ли меня новые скорби.

25.07.1943 г. Если бы человек был более внимателен к себе и к жизни, его окружающей, то не томили бы его так внутренние тяжести. Много их попускает Господь, но много и от нашего невнимания. Иногда меня охватывает чувство сильного одиночества, а это так тяжело, так расслабляюще действует, и я стала приводить себе на мысль Марию Николаевну. Ведь она же может чувствовать себя еще более одинокой и, однако, мужественно несет свой крест, и мне делается стыдно, что я останавливаюсь на себе.

8.12.1943 г. Сегодня отправила Анастасию М. в город с Ниночкой к доктору. О. Константин перешел уже на второй этаж в новом доме в понедельник, 6-го. Он тяготился своим бывшим помещением внизу. Сегодня Коля начал науку у Екатерины Петровны. Я очень рада, что мама позволила ему приходить заниматься к себе, ему уже 5 лет. И Наташа Петухова ходит к Екатерине Петровне, вот ему уже и компания. Удивительная у мамы энергия жизни, а сама на костылях. Да, она тесно срастается духом с сестрами своего участка. А сама самоотверженно трудится, не унывая. Но не то со мною происходит, ее дочерью. Я сильно падаю духом и не действую, а только лишь лямку свою чуть-чуть тяну.

28.12.1943 г. Около 5 часов вечера, когда мы с о. Константином собирались идти в церковь на вечернее богослужение, послышались вдруг оружейные выстрелы со стороны Тургель, все чаще и чаще. Пули засвистели у нас над головами, раздались взрывы бомб, со стороны Тургель доносился какой-то шум, крики, смятение, кто-то слышал даже «ура». Потом показалось зарево пожара: горели, как мы предположили, склады зерна, которое недавно сдавали хозяева. Что случилось — неизвестно. В Михново идти страшно. Думаем, что на Тургели напали партизаны какие-нибудь, теперь, говорят, есть и красные, и белые партизаны.

Хуже всего неизвестность, болела душа за Вячеслава Платоновича и Марию Николаевну. Собрались мы в комнатах Варвары Николаевны, и о. Константин отслужил нам молебен Божией Матери перед иконой Ее Казанской чудотворной. После молебна почувствовалась сразу свобода духа. Сейчас уже 11-й час вечера, тихо, спокойно. Тревожит только то, что не знаем, благополучно ли на других участках. Пока что Господь нас хранит от того испытания, какое несут теперь люди вокруг, и пока Ему будет угодно, будет хранить. На душе как-то странно спокойно и тогда было, когда шла перестрелка, и теперь.

6.01.1944 г. Сочельник. «Слава в вышних Богу, и на земли мир». И впрямь, как будто все заботы и огорчения отлетели, не хочется ни о чем ни думать, ни рассуждать, а только успокоиться в этом Божественном покое. Но кто же может это получить? Думаю, тот, кто сам живет Богом, кто свою мысль только к Нему направляет. Счастливые такие люди. Много ли их теперь. И наш дорогой батюшка был такой.

25.05.1944 г. Анна скончалась 19 мая; хотя последние дни я и ожидала этого, но все же для меня, да и вообще, смерть ее произошла внезапно. Когда Анна умерла, тогда я ясно, ясно поняла ее сущность, ее дух. Какой это был приятный дух, нежный, кроткий и строгий. Так, мне кажется, и с каждым человеком, если отбросить его немощь, его греховность, то остается его сущность, тот дух, которым одарил его Господь. Это удивительное благоухание духа, и ощущать его не каждому дано. Батюшка имел дар познавать человека и видеть, к чему он способен в жизни. Батюшка очень любил Аннушку, говорил про нее: «Какое изящество духа», — а между тем она особым расположением сестер не пользовалась.

Анна переночевала у нас ночь, и сестры все время читали над нею псалтирь. Вынос тела был на другой день перед всенощной. И это событие не лишено значения. Я несколько раз целовала Анну и заметила, что от тела ее не чувствовалось того могильного холода, как от других покойников, и это же самое заметила и Таня Петровская, которая сама сообщила мне свое наблюдение.

Не знаю, почему так печально и тоскливо стало у меня на душе, когда я приложила последний раз к иконе Воскресения Христова (было отдание Пасхи).

5.07.1944 г. Что-то Господь нам готовит? Вчера была сильная бомбардировка Вильно. Двигаются большевики, мы теперь в полосе безвластия. Только бы Господь сохранил в нас ревность к Нему и искание единого Царствия Божия.

18.08.1944 г. Пришли большевики. Много, много было пережито и переживается. Господь дивно хранит нас, смягчая сердца всех, и мы живем нерушимо, как пример милости Божией к ищущим Его. Братья — шесть человек — мобилизованы.

Очень мне тяжело, что я не становлюсь другим человеком.

Сколько я читала и знаю, что в монастырях и общежитиях, даже высоких по жизни, бывает проявление злобы и зависти или ревности. То же бывает, к сожалению, и у нас. Долгожданная весточка от Варвары Николаевны и Анастасии Николаевны пришла: получили сегодня письмо от Варвары Николаевны и Анастасии Николаевны, они в Узбекистане, очень им тяжело, последними силами напрягаются и просят вызвать их оттуда. Опять и радость и печаль. Почему-то у меня делается тоже больно на сердце, когда подумаю про Михаила Качана, по годам своим он мог бы быть уже отпущен, и вот все нет.

5.09.1944 г. Сегодня отправила Олю Я. в Вильно в связи с хлопотами о возвращении Варвары Николаевны и Анастасии Николаевны. Пошла Оля пешком.

11.09.1944 г. Получили мы уже несколько писем от Варвары Николаевны и Анастасии Николаевны, и их тоска и тяжесть чувствую, как ложится на нас. Делается все возможное, чтобы ускорить или, вернее, сделать возможным их приезд сюда.

30.09.1944 г. Сегодня какой-то советский чиновник и один из местных жителей описывали у нас все наше имущество и движимое и недвижимое. Повторилась та же история, как и после вывоза Варвары Николаевны, но сейчас мы переносили эту перепись менее болезненно, с большим спокойствием. Но

какой же будет финал этой переписи? Такой ли, как в прошлый раз? Очень не хочется насилия.

12.10.1944 г. Удивлялась бы, если бы не знала, кто нас хранит. Все прошло с описью благополучно, Господь смирил самоуверенность бесчинства и чудно обратил к нам сердца людей, могущих помочь.

Получили от Варвары Николаевны письмо, из которого знаем, что и она наше получила.

22.10.1944 г. Получаем письма от Варвары Николаевны и Анастасии Николаевны почти каждую неделю. Им очень трудно живется, но не теряют надежды вернуться. Таким долгим ожиданием их Господь опять нас к чему-то ведет, в чем-то воспитывает, и письма их, которые читаются всем громогласно, всегда оставляют в душе какое-то движение.

Нашей жизнью интересуются власти, посещают нас, подробно расспрашивают и говорят, что у нас осуществлено то, к чему советы такие долгие годы стремятся и не достигли. Да потому что они идут без Бога, а без Бога ничто высокое и великое не есть ценно.

Какое странное у меня наблюдение: мне кажется, если написать сейчас Варваре Николаевне и Анастасии Николаевне о каких-нибудь внутренних состояниях своих или переживаниях, то они не воспримут, потому что слишком сами натерпелись, изболелись и изголодались. От Петра Гайдаровича сегодня получили письмо, а от Михаила Качана — ни звука.

1.12.1944 г. В Михнове стоит войско, заняли почти всю гостиницу, так что сестрам и богомольцам пришлось потесниться.

Разнесся вдруг слух, что Варвара Николаевна и Анастасия Николаевна уже едут и скоро будут дома. Все возможно. Что-то писем от них нет.

5.12.1944 г. На днях получили письмо от Варвары Николаевны, которое произвело настоящую кутерьму в нашей жизни. Это был крик отчаяния изболевшейся душой и телом. Варвара Николаевна написала его под впечатлением

неудачи: отказали ей дать пропуск из Узбекистана в Литву. Сестры приняли это разно, но в общем чувствовалась сильная угнетенность, и, однако же, нашли в себе и силу духа и умение написать ободряющие письма Варваре Николаевне. Мария Николаевна — та запротестовала, как это и часто бывает, против обстоятельств. Да, Господь медленно, но твердо раскрывает перед нашим внутренним взором, какие мы еще немощные и непокорные рабы Божии, даже грубые и чувственные, конечно же. И приводит так Господь нас к глубине смирения, внутреннего смирения тех, кто хочет к Нему прийти.

¹ Пospelова Любовь Ивановна († 16.05.1939, Вильно), основательница и директор Виленской русской гимназии (с 1937 года им. А.С. Пушкина).

² Члены Михновской общины.

³ Иногда фамилию Авдей писали с буквы «О».

Три сестры, или Краткая история Михнова

Составил Борис Александрович Петухов (1903.04.12–1984.02.17) в 1983 году (печатается с сокращениями)

Посвящаю моей жене Ирине Вячеславовне в благодарность за помощь, оказанную при составлении сего труда

1. Вступление

После выхода моего в 1977 году на пенсию, имея больше свободного времени, я начал интересоваться историей соседних с Тургелями местностей. Вот тогда и зародилась у меня впервые мысль написать также историю Михнова. Но мысль эта была далека еще от осуществления. И только на похоронах последней из трех сестер — Анастасии Николаевны Корецкой (она умерла 5 января 1979 года), когда ее опускали в глубоко выкопанную могилу и по крышке гроба застучали груды мерзлой земли, какой-то внутренний голос, возможно, исходящий свыше, сказал мне: ты должен написать хотя бы краткую историю отца Понтия и трех сестер

Корецких, которые были создателями и многолетними руководителями Михновского христианского объединения.

Мне захотелось описать историю Михнова более широко, от отдаленных времен, события которых мне удалось восстановить и по сохранившимся письменным документам, и по рассказам михновских старожил, в том числе и трех сестер Корецких.

2. Период до 1840 года

Согласно имеющимся документам (купчая крепость), язык которых я сохранил полностью, надворный советник и кавалер, чиновник по особым поручениям при Виленском генерал-губернаторе Иосиф Иванович Корецкий и жена его Юлия Игнатьевна Корецкая купили в 1840 году у отставного генерал-майора Людвиг Ивановича Пинабеля имение Мереч-Михновский, состоящее из земель и крестьян.

3. От 1840 года до 1914 года

Имение Меречь-Михновский было куплено Иосифом Корецким за 20 тыс. рублей серебром. Когда Корецкие переселялись с юга России в Вильну, они привезли с собой семью крепостных Глазачевых. Один из потомков Глазачевых, Марьян Глазачев, работает теперь управляющим отделения «Михново».

Могила Иосифа Ивановича сохранилась в Вильнюсе на Евфросиниевском кладбище. Он умер в 1866 году. Я обнаружил ее недавно и читал надпись, сделанную на массивной чугунной плите. Жена его, Юлия Игнатьевна, похороненная на Тургельском кладбище, умерла в 1885 году. Она пережила своего мужа на 19 лет. Ее могила сохранилась хорошо. За ней присматривают михновцы. Ее надгробный памятник является одним из красивейших памятников на Тургельском кладбище.

У И.И. и Ю.И. Корецких было 4 сына и 5 дочерей. Двое из сыновей умерли в сравнительно молодом возрасте и были

похоронены в деревне Гердеевце (теперь это территория БССР) при находившейся тогда там церкви, которая сгорела в 20-х годах нашего века. Их имена были Андрей и Иосиф. О двух других сыновьях, которые жили дольше, имеются более обширные сведения. Это Николай и Владимир. Одна из пяти дочерей Корецких, Ольга Осиповна, замуж не вышла. Во время Русско-Японской войны окончила курсы сестер милосердия. Она работала в полевом госпитале на фронте во время войны в Манчжурии. Между прочим, работала там вместе с первой женой писателя Куприна. Затем после войны благодаря знакомствам, которые приобрела во время работы сестрой милосердия, она устроилась на место кастелянши (т.е. заведовала бельем) на императорской яхте «Полярная Звезда». Она плавала на ней по далеким морям и рассказывала много интересного об этом периоде своей жизни.

Последние годы своей жизни провела в Михнове и умерла там в преклонном возрасте 29 декабря 1940 года. Многие из михновских старожилов ее помнят. Последние годы своей жизни она была совершенно слепая. Ухаживала за ней сестра Феодора, которая была старшей по гостинице.

Одна из дочерей Корецких, по имени Елизавета, в возрасте 16 лет вышла из дома в Вильнюсе, где тогда проживали Корецкие, и пропала бесследно. И хотя у Корецких были большие связи и поиски пропавшей были очень энергичными, найти ее не удалось.

Три остальные дочери вышли в свое время замуж: Наталия за отставного полковника Хоруженкова, Александра за известного в Вильнюсе архитектора Чагина, а Елена за военного Евреинова. Сыну Чагиных Владимиру, тоже архитектору, работающему в Петербурге, принадлежала дача, построенная им на купленной от Михнова земле. Она известна под названием «Чагинская дача». Эту землю купил затем Феликс Русецкий.

Старшая дочь Корецких, Наталия Осиповна, по мужу Хоруженкова, часто приезжала в Михново. Там в саду и

теперь имеется уголок, называемый Натальиной рощей, т.к. она часто там гуляла.

Александра Осиповна Корецкая, по мужу Чагина, имела пять детей. Она прожила всю свою жизнь в Вильнюсе. Во время своей болезни она ездила к о. Иоанну Кронштадтскому. Он был у нее в номере в гостинице, где она остановилась, и служил там молебен. По тому, что он во время молебна молился не о здравии, а об отпущении грехов ей, все присутствующие поняли, что она долго жить не будет. И действительно, она вскоре после этого умерла.

Третья дочь Корецких, Елена Осиповна, по мужу Евреинова, длительное время жила в Ялте по месту работы своего мужа.

Что касается сыновей Корецких, то Николай Осипович стал хозяином в Михнове, а Владимир купил себе имение Михалино в Поставском уезде. У Владимира Корецкого были дети: Павел, Михаил и Нина. Нина Владимировна провела последние годы своей жизни в Михнове, там она умерла и похоронена в 1961 году. Ее брат Павел трагически погиб в 1941 году. А Михаил до конца своей жизни работал бухгалтером колхоза в своем бывшем имении Михалино Поставского района. Он часто приезжал в Михново, и многие михновцы помнят его. Дома он занимался пчеловодством и помогал михновцам в этой области.

После смерти Иосифа Корецкого в 1866 году имение Михново перешло во владение Николая Осиповича Корецкого, который должен был оплачивать отступное своим многочисленным братьям и сестрам (что-то по 2000 рублей тогдашними деньгами, это была очень большая сумма). Отец Марии, Варвары и Анастасии Николаевны был в молодости на военной службе, но она не пришлась ему по душе, и в чине поручика он вышел в отставку, а после смерти отца стал хозяйничать в Михнове. Николай Осипович был очень честный и трудолюбивый человек, прекрасный хозяин. При его жизни хозяйство в Михнове было поставлено образцово. Народ его любил и уважал, и память о нем сохранилась самая лучшая. Женился Николай Осипович сравнительно поздно,

на 42-м году жизни, на Анастасии Дементьевне Подобед родом из Курской губернии. Она была чуть ли не на 20 лет моложе его.

Несмотря на разницу лет, жили они с собой хорошо и имели пять дочерей. Две из них, Елена и Татьяна, умерли рано, а троих — Марию, Варвару и Анастасию — многие из вас хорошо помнят. Это и есть три сестры, о которых я пишу.

Николай Осипович умер в 1912 году скоропостижно и был похоронен в Михновском саду в конце липовой аллеи рядом с умершей в 1904 году дочерью его Татьяной. Она училась в институте и приехала зимой на каникулы. Таня ходила навещать больную дочь михновского кучера Семена и заразилась от нее скарлатиной, которая в то время была болезнью очень тяжелой и часто кончалась смертью. Умерла от нее и Татьяна Николаевна в возрасте 16 лет. Когда Анастасия Дементьевна стала в 1915 году строить церковь, то под ней устроила семейную часовню-усыпальницу и перенесла в нее прах мужа Николая Осиповича и дочери Татьяны. Там же была позже похоронена и другая дочь, Елена, умершая в 1916 году, и сама Анастасия Дементьевна в 1943 году.

4. От 1914 до 1918 года

До мировой войны жизнь в Михнове ничем не отличалась от жизни в других имениях того времени. В Михново часто приезжали гости: соседи и родственники из других мест.

В Михнове постоянно бывало много гостей. Устраивали пикники, танцы. Старшая дочь Корецких, Елена, была склонна к меланхолии. Тогда в Михнове частым гостем бывал известный в Вильне психиатр, доктор Николай Васильевич Краинский. Между прочим, в 20-х годах нашего века Анастасия Дементьевна ездила в Палестину, где пробыла почти два года. Теперь вкратце расскажу о молодости трех сестер Корецких. Самая старшая, Мария Николаевна, училась в Петербурге в Смольном институте. Туда принимали только девиц дворянского происхождения. Мария Николаевна была

из всех трех сестер самая бойкая, веселая и, пожалуй, самая миловидная. Черты ее лица со следами примеси татарской крови, так часто встречающиеся у старой русской интеллигенции, ее не портили, а придавали ей своеобразную прелесть. В молодости Мария Николаевна была очень подвижной, любила танцевать, ездить верхом, любила веселье и смех. Она хорошо играла на рояле и даже одно время хотела поступить в Киевскую консерваторию. Как-то старая Важинская из Табаришек привезла в гости к Корецким своего управляющего Родзевича Станислава Ивановича и очень хвалила его, какой он любезный, вежливый, предупредительный. «Это прекрасный жених для ваших дочерей», — говорила она Анастасии Дементьевне. Однако девицам Корецким он определенно не понравился. У Анастасии Дементьевны была сестра. Она была замужем за офицером Яковлевым. После трагической ее смерти Анастасия Дементьевна взяла на воспитание ее дочь. Это была Анна Аркадьевна, известная многим старожилам в Михново. Мужем двоюродной сестры Анастасии Дементьевны был генерал Петеров. После смерти жены он часто приезжал в Михново. Ему приглянулась Мария Николаевна, и он стал ухаживать за ней. Тем временем на горизонте появился молодой офицер Вячеслав Платонович Шафалович, с которым Мария Николаевна познакомилась в имении Павлово у тогдашней его хозяйки баронессы Дельвиг. Вскоре Вячеслав Платонович стал официальным женихом Марии Николаевны. Тогда генерал Петеров сделал официальное предложение Анне Аркадьевне. Предложение его было принято. В Виленском кафедральном соборе протоиерей о. Михаил Голенкевич обвенчал одновременно две пары: Марию Николаевну с Вячеславом Платоновичем и Анну Аркадьевну с генералом Петеровым Константином Касперовичем.

После свадьбы Мария Николаевна и Вячеслав Платонович уехали по месту работы Вячеслава Платоновича. Служил он в Вильне в 27-й Артиллерийской бригаде. Некоторое время спустя их бригада была переведена в литовский город Алитус. Это был глухой провинциальный город по сравнению с городом Вильно. Молодые Шафаловичи часто приезжали в

Михново. Но в 1912 году грянул гром с ясного неба: скоропостижно умер Николай Осипович, а в 1914 году Вячеслав Платонович вместе со своим старшим братом, тоже офицером царской армии, пошли на войну. Отец братьев Шафаловичей был генералом. Фотография его с сыновьями сохранилась. Он умер в 1912 году почти одновременно с Николаем Осиповичем. Следует вспомнить, что Федор Платонович служил потом в Советской Армии и дослужился до чина генерал-лейтенанта, был преподавателем в военной академии им. Фрунзе и в академии Генерального штаба. Я знал его лично, часто посещал его в Москве и был у него перед его смертью. Умер он в 1952 году.

Варвара Николаевна Корецкая тоже училась в Смольном институте в Петербурге и закончила его в 1909 году, на год позже, чем Мария Николаевна. После окончания института Варвара Николаевна поступила на высшие сельскохозяйственные курсы в Киеве. Но окружающая ее там обстановка ей не понравилась, и она вернулась домой. В это время она вела светский образ жизни. Одну зиму она вместе с матерью и сестрами прожила в Вильне, но жизнь в городе оказалась слишком дорогой. Николай Осипович запротестовал, заявив жене: «Барыня, — так он ее часто называл, — я не могу давать вам столько денег». Анастасия Дементьевна не знала цены деньгам и тратила их очень легко. В 1912 году после смерти отца Варваре Николаевне пришлось вплотную заняться сельским хозяйством. И хотя у них после смерти Николая Осиповича остался управляющий, ей вместе с младшей сестрой Анастасией Николаевной приходилось вникать во все дела самой. Их мать, Анастасия Дементьевна, сельским хозяйством не интересовалась и занималась только домашними делами.

В 1915 году линия фронта стала приближаться к нашим местам. Анастасия Дементьевна с дочерьми долго были в нерешительности, уезжать ли им в Россию или оставаться на месте. Некоторые из соседей начали покидать насиженные места и уезжать. Тем более что ползли слухи о жестокостях, проявляемых к местному населению со стороны германцев. Но бросить насиженные места — это значит подвергать свои

родные гнезда полному разорению. Тем временем линия фронта приблизилась вплотную, и у нас появились первые кайзеровские немцы. В Михнове разместилась немецкая сельскохозяйственная колония для обработки земли. Она состояла из нестроевых военных. Тогдашние кайзеровские немцы хотя и здорово обирали народ, надо было кормить многомиллионную армию, но никого из гражданского населения не убивали и были более гуманные и культурные, чем гитлеровцы. Варваре Николаевне, ведущей тогда все сельскохозяйственные дела, приходилось часто встречаться с ними. Один из них, лейтенант по фамилии Гешен, даже ухаживал за ней. По образованию юрист, он был призван во время войны в армию. Он был образованным молодым человеком, но по природе был очень рассеян, и в семье Корецких его прозвали Паганелем — именем одного из героев романа Жюль Верна «Дети капитана Гранта». В молодости Варвара Николаевна была интересной, даже, можно сказать, красивой девушкой. Одному из немецких офицеров из сельскохозяйственной колонии в Белом Дворе графу Билянду тоже очень нравилась Варвара Николаевна, но, будучи человеком порядочным, он, прося разрешения бывать у них в доме, предупредил Анастасию Дементьевну, что он женат. Граф Билянд увлекался живописью. В Михнове сохранились две его работы: его автопортрет и образ Спасителя. Лейтенант Гешен три раза делал Варваре Николаевне предложение, но получал отказ. Через несколько лет, уже во времена Польши, Гешен приезжал в Михново и опять просил руки Варвары Николаевны, но в те времена она знала уже о. Понтия, в ее жизни произошел большой духовный перелом, и она окончательно ему отказала.

Анастасия Николаевна была на четыре года моложе Варвары Николаевны и на шесть лет моложе Марии Николаевны. Поэтому интересы ее не совпадали с интересами ее сестер старших, и поэтому она росла одинокой. Болезненная с детства (у нее было врожденное искривление позвоночника), она окончила только шесть классов того же, что ее сестра, института. Отец был занят сельским хозяйством. Во время болезни матери отец пригласил для ухода за ней несколько медсестер и сиделок. Они вели веселый образ жизни и не

обращали внимания на младшую дочь. Анастасия Николаевна замкнулась в себе, и ее характер стал более сдержанным и скрытным. Это был период фактического ее одиночества среди шумной и чуждой ей толпы. После смерти в 1912 году отца, ей было тогда 16 лет. Туся, так ее называли дома, вместе со своей сестрой Варей должна была заняться сельским хозяйством. Для исправления ее физического недостатка — искривления позвоночника — к ней была приглашена специалистка по физическим упражнениям из института физической культуры им. Лесгафта в Петербурге. Анастасия Николаевна, хотя и не окончила института, свободно говорила по-немецки, хуже по-французски. Она занималась самообразованием и много читала.

В 1919 году у нее была взаимная симпатия с польским легионером, когда военная часть, в которой он служил, стояла некоторое время в Михнове. Однако он потребовал, чтобы Анастасия Николаевна приняла католичество и говорила бы с ним только по-польски. Эта религиозная и национальная рознь стала причиной того, что они расстались. Во время немецкой оккупации в 1916 году в Михнове произошел большой пожар: сгорела обора и конюшня с 17 лошадьми. Коров успели выпустить и спасти, а от конюшни не могли найти ключей, и все лошади сгорели. Это событие явилось сильным потрясением для Анастасии Николаевны.

5. Период, связанный с приездом в Михново о. Понтия. Его жизнь

Отец Понтий уехал из России в 1918 году, когда там начались преследования религии и духовенства. Он был близок к о. Иоанну Кронштадтскому и мог опасаться репрессий. Будучи предупрежден о предстоящем аресте, покинул Петроград. Оказавшись в Виленской епархии, во главе которой стоял архиепископ Елевферий, выполнял там разные пастырские поручения. В последнее перед своим приездом в Михново время он служил в Новосветской церкви. Анастасия Дементьевна много слышала о том, какой замечательный

священник служит в Новосветской церкви, и попросила владыку Елевферия прислать ей его послужить в михновской домово́й церкви. Эту церковь построила Анастасия Дементьевна после поездки своей в Оптину пустынь в 1915 году. Она строила ее на сбережения от 50-летних трудов мужа в память о нем и о своих умерших дочерях Татьяне и Елене. Отец Понтий приехал в первый раз в Михново 27 февраля 1921 года. Его пригласили к столу и стали угощать: нажарили яичницу, подали творог, сметану, молоко. Но он от всего этого отказался. Выпил только чашку кипятка и съел немного хлеба. В Михнове тогда постов не соблюдали, а это как раз был постный день. Мария Николаевна, которая вместе с матерью принимала гостя, спросила его: «Почему Вы не кушаете? Вы, верно, не любите яичницу?» А он ответил: «Нет, я очень люблю яичницу». Мария Николаевна очень удивилась такому его поведению и сказала своим сестрам: «Это какой-то необыкновенный священник, он даже молока не пьет. А речи его проникновенные, очень умные и серьезные, пойдите послушайте его».

Когда во время его одного из приездов в Михново сестры Корецкие спросили о. Понтия, не останется ли он с ними напостоянно, о. Понтий ответил: «А как вы собираетесь жить, для себя или для своих ближних? Когда вы согласны жить для ближних, то я останусь с вами, а если не согласны, то мне у вас делать нечего». — «Батюшка оставайтесь с нами, мы будем Вас во всем слушаться и поступать, как Вы скажете», — воскликнули сестры.

После этого о. Понтий переехал на постоянное жительство в Михново. [Под влиянием о. Понтия сестры Корецкие] круто изменили свою жизнь: отказались от всяких светских развлечений, от светского общества и стали почти на путь подвижничества, начали часто ходить в церковь, соблюдать посты. Мария Николаевна исполняла обязанности псаломщика, управляла церковным хором. Хочу вспомнить о положении в то время в Польше Православной Церкви. В Варшаве была создана независимая от Москвы автокефальная Церковь во главе с митрополитом Дионисием.

Архиепископ Виленский Елевферий не признал отделения Польской Православной Церкви от Москвы и был выслан Польскими властями из Вильно за границу в ковенскую Литву. Небольшая группа единомышленников, к которой принадлежали священник Левицкий, польский сенатор от белорусской фракции В.В. Богданович, а позже о. Лука Голод, остались верными Москве и не признали автокефалии Православной Церкви в Польше. О. Лука Голод и В.В. Богданович от (из-за. — *Ред.*) этого были отлучены от Церкви. Они оборудовали свою церковь на частной квартире на Зверинце в городе Вильне. Когда в 1926 году Анастасия Дементьевна вернулась из Иерусалима домой, она примкнула к патриаршей церкви Богдановича, так ее тогда называли. Она пригласила в Михново священника Голода и еще несколько единомышленников обоего пола. Она хотела организовать общину, которая бы сама себя обслуживала. Когда Анастасия Дементьевна разделила имение Михново между своими тремя дочерьми, она оставила при церкви участок земли. Этот участок и стал обрабатывать священник Голод со своими помощниками. Он надевал рабочую одежду, сам пахал, косил и т.д. Затем стал служить в михновской церкви. Находящийся уже в Михнове о. Понтий, сестры Корецкие и другие подчинились существующему порядку, т.е. признали автокефалию, как и все остальные польские граждане православного вероисповедания. Отец Понтий служил вначале в часовне-усыпальнице внизу под церковью, а затем в домике в саду, где теперь проживают сестры Ярошук Вера и Анюта. Священнику Голоду и его помощникам скоро надоел тяжелый физический труд по ведению сельскохозяйственных работ, и они уехали от Анастасии Дементьевны. Надо отметить, что дочери Анастасии Дементьевны всегда относились к ней с любовью, смиренно подчинялись ее решениям и не переставали заботиться о ней. После отъезда священника Голода земельный участок Анастасии Дементьевны, как и раньше, стала обрабатывать Анастасия Николаевна и всегда приносила своей матери вырученные с него деньги.

В.В. Богданович занимался живописью и по просьбе Анастасии Дементьевны написал икону, где изображены

святые, имена которых носили члены семьи Корецких. Это: св. Николай, Анастасии — две, Елена, Татьяна, Мария, Варвара, Вячеслав, Ирина. Эта икона и теперь находится в семейной усыпальнице под церковью. В 1939 году, когда началась война с Германией, польские власти заключили В.В. Богдановича в концентрационный лагерь в Картуз Березу.

В 1940 году он был арестован вторично и умер в Вилейской тюрьме.

Несколько слов об о. Павле Томашевском. Он был благочинным в Столбцах, был близок с семьей о. Николая Корзуна, проживающего и имеющего приход недалеко от Столбцов. Отец Павел построил себе домик в михновском саду, куда переселился с женой после ухода на покой. В этом домике проживает теперь Петр Тихонович Гайдарович, бывший председатель колхоза «Михново». О. Павел был бездетным, жена его умерла в январе 1939 года почти одновременно с о. Понтием. О. Павел был в жизни незлобивым человеком, очень мягким, скромным. Он хорошо уживался с о. Понтием. После смерти матушки за ним в течение многих лет до самой его смерти самоотверженно ухаживала Катя Бичун, которую он очень любил, называл доченькой и завещал свой домик. Как-то во время войны в 1941 году, когда мимо проходили советские войска, к нему зашел какой-то военный якобы исповедоваться и между прочим задал о. Павлу вопрос, как он относится к Советской власти.

«Всякая власть от Бога», — ответил о. Павел.

Еще вспоминается одна история со времен Польши. Враги Михнова (кое-кому не нравилось появление очага православия в наших местах) подали жалобу польским властям, что в Михнове морят людей голодом, вносят раздор в их семейную жизнь и т.п. Даже приезжал помощник уездного врача доктор Шолкович. Он обратился ко мне с вопросом: «Скажите, пожалуйста, коллега, чем объяснить то огромное влияние, которое имеет о. Понтий на сестер Корецких и всех обитателей Михнова? Не обладает ли он

силой внушения, даром гипнотизера, подчиняющего себе волю других?» Я ответил: «По моему мнению, обаяние его личности вытекает из его огромной, беспредельной веры в Господа Бога, его желания служить Ему, его безграничной преданности учению Христа. Он призывает к соблюдению двух основных заповедей Иисуса Христа: любите и чтите Господа Бога своего и любите ближнего своего, как самого себя. Отсюда уже вытекают все его требования к поведению людей, желающих жить согласно его указаниям». Поданная властям жалоба осталась без последствий.

Свое повествование я назвал «Три сестры». Почему? Да потому, что основную роль в образовании михновского христианского объединения, безусловно, сыграли сестры Корецкие. Но все же главным рычагом в создании Михнова был о. Понтий. Именно он был вдохновляющей и организующей силой, которая действовала через трех сестер Корецких. А последние сыграли основную роль в превращении Михнова, обыкновенной в то время помещичьей усадьбы, в объединение православных христиан. Три сестры Корецкие, являясь законными хозяйками Михнова, могли обращаться со своей собственностью по своему усмотрению, и то, что они добровольно выбрали путь, указанный им о. Понтием, является их большой заслугой. Они отказались от всех материальных благ, связанных с их положением собственниц имения. Поэтому совершенно правильным было считать их в 1941 году помещицами со всеми вытекающими из этого последствиями, как вывозка и прочее.

Когда о. Понтий поселился в Михнове на постоянное жительство, там стала развиваться новая жизнь. Сестры Корецкие тяготились наемными людьми, которые их обслуживали. Желая иметь вокруг себя единомышленников по духу, они обратились к о. Понтию, чтобы он помог им найти близких им по духу православных людей. Батюшка согласился, но с условием, что сестры Корецкие примут этих людей не как прислугу, а как своих близких по духу, равноправных членов семьи.

Батюшка помолился, и Бог стал посылать в Михново людей, желающих жить богоугодной жизнью. Первыми пришли в Михново мать и дочь Ивашевичи — Аннушка и Ниночка, которой тогда было 9 лет (если не считать живущую в Михнове уже с 1916 года Маргариту Чернову, которая проживает ныне в Гае). Муж Аннушки Ивашевич уехал в Америку искать лучшей жизни. Аннушка с дочкой остались в семье братьев мужа. Они ей говорили: «Помни, что вас два рта». Аннушке было 40 лет, когда пришло известие, что муж ее погиб, и она стала вдовой. Она услышала от своих знакомых, что в Михнове около Вильно появился замечательный священник, отец Понтий. Она пришла вместе со своей дочкой посмотреть на него, поговорить с ним. О. Понтий произвел на Аннушку огромное впечатление. Ей было предложено остаться в Михнове напостоянно, и они остались. Вслед за ними начало прибывать в Михново все больше и больше людей, желающих жить согласно установленным о. Понтием правилам. Пришли: Елена Жук, Анна Курдека, Феодора, Анастасия Петрович, Маня Якубович, Трифон Сологуб, Петр Гайдарович и многие, многие другие.

Скоро Аннушку сделали старшей среди новоприбывших братьев и сестер, так их стали называть в Михнове. Аннушке было поручено заведовать хозяйством на центральном участке Михново. Ирина Вячеславовна вспоминает, как ей и другим детям было поручено собирать колосья на поле, оставшиеся после уборки урожая. Но дети есть дети. Немного поработали, и им надоело. Пришла на поле Аннушка и ласково сказала им: «Дети, смотрите, какие колосочки, они все равно как пряники». Ребятам так понравилось это сравнение, что они стали весело продолжать работу. Я знал Аннушку и встречался с ней до самой ее смерти, она умерла в возрасте 91 года. Когда я бывал в Михнове, я всегда заходил к Аннушке. Она всегда была со мной приветлива и охотно со мной разговаривала.

В последние годы своей жизни ей уже трудно было ходить, и она больше лежала на кровати за шкафом, где теперь стоит кровать ее дочки, Ниночки.

Скоро в Михново была приглашена Екатерина Петровна Царик, родная сестра о. Понтия, для подготовки к поступлению в гимназию дочери Марии Николаевны и для обучения грамоте других детей, которых в Михнове было уже немало. Дочь Екатерины Петровны, Александра Максимовна, училась в то время в Вильне в гимназии Пospelовой, и михновцы содержали ее там за труды ее матери. Впоследствии Александра Максимовна была воспитательницей михновских детей, учившихся в Вильне: Иры Шафалович, Толи Корзуна, Кости Авдея, Мани Павловской, Шуры Яворского — и вела хозяйство. Александру Максимовну Царик я знал хорошо: в течение многих лет мне довелось ее лечить. В последние годы своей жизни она проживала в Гае и болела сердечной формой ревматизма. Я часто ездил к больной и оказывал ей медицинскую помощь. Она была человеком глубоко верующим, исключительной доброты и приветливости, с истинно христианским отношением ко всем окружающим. Болела она долго и тяжело. Однако все свои страдания она переносила с мужеством, покорностью и никогда не роптала. Она не раз повторяла, что если Бог посылает ей страдания, значит Он любит ее. Какое это хорошее утешение для тяжело больных верующих!

Костя Авдей окончил Виленскую духовную семинарию. Хотел поступить учиться дальше в Варшавскую духовную академию, но местный комиссар польской полиции в Тургелях дал ему очень плохую характеристику, и его в академию не приняли. А дело было в том, что Костя Авдей учил русскому языку дочку Клебанского, владельца мануфактурного магазина в Тургелях, которая затем уехала в Советский Союз. За это Костя попал в число «неблагонадежных». Но затем, в советское уже время, о. Константин окончил духовную академию в Ленинграде. Свое отношение к о. Понтию и к о. Иоанну Кронштадтскому отец Константин выразил словами: «В истории Православной Церкви бывали периоды подъема и периоды упадка религиозной жизни. И вот, когда наступали времена упадка, внезапно появлялись на горизонте яркие звезды, освещающие своим светом жизнь Церкви и жизнь православных христиан. К таким звездам,

безусловно, принадлежат о. Иоанн Кронштадтский и о. Понтий».

Шура Яворский — второй из воспитанников Михнова, тоже окончил духовную семинарию в Вильне. Одно время он работал псаломщиком в дер. Мыто около Лиды. Во время немецкой оккупации Шура работал заведующим Районного отдела Народного образования в Белоруссии. Сестра Вячеслава Платоновича Лидия Платоновна была учительницей младших классов. Ей надо было устроиться на работу. Шура помог ей, дал ей место в своем районе в местечке Боруны и написал Вячеславу Платоновичу очень любезное письмо. Иногда он приезжает в Михново. Но после смерти своей матери Ольги Яворской стал бывать там редко.

Живя в Михново, о. Понтий исполнял одно время обязанности приходского священника в дер. Побень, теперь эта церковь разобрана и не существует. Когда он приезжал в побеньскую церковь, то прислуживал ему старший сын Сотникова — хозяина имения Побень, Иван Александрович. Одно время был псаломщиком в побеньской церкви житель деревни Дайновка Алексей Макаревич. Позже он поступил в Свято-Духов монастырь, там был пострижен в монахи и стал называться о. Авраамием. Он прожил до ста лет и умер недавно. По случаю своего столетия он был награжден митрой.

О. Понтий приезжал в Побень вместе с исполняющей обязанности псаломщика Марией Николаевной и ее дочерью Ирой. Вера Капитоновна, жена Сотникова, устраивала всегда у себя обед. Иван Александрович приезжал нередко в Михново и даже сватался к дочери Марии Николаевны. В настоящее время он иеромонах. Война забросила его далеко от Родины. Он проживает в Англии в г. Эдинбурге и служит в местной церкви. Православных там мало и церковь очень бедная.

Об о. Понтии вспоминает Нина Ивашевич: «Мне было лет 12. Это было в Великом посту. Болела я уже больше месяца. Постоянного врача тогда в Тургелях не было. По воскресным

дням приезжал тогда в Тургели на плебанию (дом ксендза) и принимал тогда больных там доктор Ренигер из имения Каменка. Его попросили приехать ко мне. Он меня долго выслушивал. Температура у меня была невысокая, 37,5. Затем он сказал моей маме: “У вашей дочери туберкулез легких. Жить ей осталось не более трех месяцев. Постить ей никоим образом нельзя”. Но я и моя мама обратились к о. Понтию с просьбой благословить меня на пост. Он долго молился и благословил, однако добавил: “Давайте ей больше прованского масла”. Я продолжала постить... и поправилась. В этом я увидела силу молитв о. Понтия.

Когда мне было около двадцати лет, я жила в Гае. Со мной происходило что-то необыкновенное. Как только я закрывала глаза, мне мерещились страхи: я видела разные чудовища. Я очень утомилась от этих видений. Однажды я сидела на диване рядом с Варварой Николаевной. Сестры уже пошли спать. Мне хотелось рассказать о своих страхах батюшке, но я никак не могла решиться. Наконец все же решилась и подошла к нему перед иконой. Он, выслушав меня, сказал: “Читай Иисусову молитву!” Я стала читать: “Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Пречистыя Твоея Матери помилуй меня, грешную”. Все мои страхи и видения прошли».

Третий рассказ Н. Ивашевич: «Мне было около 25 лет. Я жила в Михново. По вечерам батюшка служил у себя дома в Гаю. Анастасия Николаевна ходила на эти вечерние богослужения и брала кого-нибудь по очереди. Как-то она предложила идти мне, но я чувствовала себя очень плохо, и мне идти в Гай не хотелось. Но я подумала, что если не пойду, то в другой раз Анастасия Николаевна не возьмет меня с собой, и я ответила: хочу. Когда я подошла к батюшке под благословение, он спросил меня: “А ты чего приперлась?” Батюшка спросил меня так, потому что знал, что я не хотела идти, но все же пришла. После богослужения я подошла к батюшке и спросила: “Батюшка, вы задали мне вопрос, скажите, в чем я должна исправиться?” А батюшка ответил: “Когда ты читаешь книгу, то понимаешь, что в ней написано. Так и я вижу, что происходит в твоей душе”. — “Тогда

скажите, батюшка, в чем мне надо исправиться?» А о. Понтий ответил: «Если ты даешь желудку здоровую пищу, то желудок здоров, а если испорченную, то желудок заболевает. Так и человек: если ему открыть все греховное состояние его души, то человек не выдержит и заболеет». После этого я даже боялась подумать о чем-нибудь, чего батюшка не знает».

О. Понтий как-то спросил Ниночку, хочет ли она жить в Михнове или хочет уйти, и сказал, что ей будет в Михнове очень тяжело, и при этом показал на сердце. Но Ниночка осталась. «Совсем недавно, в 1979 году, — продолжает Н. Ивашевич, — у меня образовалось что-то вроде нарыва, очень болезненного. Я не могла ходить, у меня были страшные боли. Я пришла к старшей на участке, Вере Павловне, и сказала ей, что я не могу ходить и работать. Я легла в постель, но боли не проходили. Я прямо плакала от боли. Я подошла к портрету о. Понтия и стала молиться: “Батюшка дорогой, не могу больше терпеть, помоги мне!” К вечеру того же дня я почувствовала облегчение». Далее Ниночка вспоминает, что еще при жизни о. Понтия во время его последней болезни она спросила его, как они будут жить, когда его не станет. «Он ответил: “Я буду всегда, и после смерти, о вас заботиться и помогать вам”». После всего этого я поверила, что батюшка знает и видит своим духовным взором все, о чем думает и [что] делает человек. Люди никогда не грешили бы, если бы помнили, что Бог видит и знает все их мысли и поступки», — сказала в заключение Ниночка. И все же самое лучшее представление об о. Понтии дают воспоминания о нем, написанные В.Н.Корецкой. Кто же лучше ее мог знать о. Понтия! Ведь она многие годы прожила близко от него. В михновской церкви, посвященной иконам Божией Матери «Всех скорбящих» и «Спорительницы хлебов», на входных дверях с левой стороны висела доска, на которой по указанию создательницы этого храма, Анастасии Дементьевны, было написано, что храм сей построен на сбережения от многолетних трудов Н.О. Корецкого. Всякий, кто пришел в этот храм и в молитве нашел утешение для своей души, пусть помолится об упокоении души раба Божия Николая и его дочерей Татьяны и Елены. После смерти Анастасии Дементьевны в 1943 году ее имя тоже написали на этой

таблице по указанию Марии Николаевны. В то время Варвара Николаевна и Анастасия Николаевна были в Коканде (Узбекская ССР). Теперь этой доски нет. По чьему-то распоряжению ее сняли. (Ныне эта доска восстановлена. — *Ред.*)

Интересны воспоминания о первых встречах с отцом Понтием Веры Павловны Крутько. В те времена она вела светский образ жизни. Приехала в Михново наряженная, завитая. «О. Понтий, — вспоминает она, — посмотрел на меня и только воскликнул: “О-го-го”, — и больше ничего не сказал. А когда я приехала во второй раз, он посмотрел на мои подстриженные на затылке волосы и сказал: “Это не годится”». А Вера Павловна спросила о. Понтия, может ли она приехать в Михново на постоянное жительство. Он ответил: «Поболтайся еще пару лет, потом посмотрим». Так и случилось: только по истечении двух лет Вера Павловна приехала на постоянное жительство в Михново.

Оля Шиман живет в Михнове от 1937 года. Она рассказывает: «Однажды в церкви г. Молодечно я слушала проповедь о. Понтия (во время одной из его поездок по приходам). Говорил он об одном молодом человеке, которому надоела светская жизнь. Проходя мимо церкви, он зашел в нее. Служба уже кончилась, народу в церкви почти не было. Он подошел к иконе, изображающей Страшный Суд, и долго стоял перед ней, рассматривая ее. К нему подошла незнакомая старушка и объяснила, что судьба человека на Страшном Суде решается в зависимости от поступков и поведения его в жизни. Она посоветовала молодому человеку зайти в ближайший монастырь. Пришел. Привратник его не пускает. Молодой человек говорит, что хочет видеть настоятеля монастыря. Падает перед настоятелем на колени и спрашивает у него, как он может достичь спасения. Он остается в монастыре. Услышав эту проповедь о. Понтия о том, как можно спасти свою душу, Оля Шиман решила идти в Михново, о котором она уже слыхала от своих знакомых. К новому году отец отпустил ее туда. Домой она не вернулась, а осталась в Михново. Однако отец ее скоро приехал за ней и увез домой. Пробыв немного дома, она удрала против воли родителей обратно в Михново. Когда она пришла в

Михновскую церковь и увидела о. Понтия, то сказала ему: «Батюшка, я хочу у Вас исповедоваться». А он посмотрел мне в глаза и говорит: «Завтра». На следующий день она снова подошла к о. Понтию, а он снова повторил: «Завтра». Три раза говорил ей о. Понтий «завтра». Оля подумала тогда, что она, видимо, великая грешница и он не хочет ее исповедовать. На четвертый день о. Понтий сам вышел на солею и спросил: «А где эта “великая грешница”?» «Он угадал мои мысли», — закончила свой рассказ Оля Шиман.

Хочу вспомнить еще об одной михновской жительнице. Это Маргарита Чернова, которая самая первая прибыла на жительство в Михново в 1916 году. Вот что она мне рассказала: «Батюшка о. Понтий всегда относился ко мне хорошо. Однажды он выезжал на приход в Белоруссию. Вместе с ним ехали Мария Николаевна, Варвара Николаевна, Вера Степановна. Иван Войтюлевич, который обыкновенно возил их, подъехал к крыльцу. Я вышла со всеми его провожать. Батюшка подошел ко мне и спросил: “Ты что, собралась уходить из Михнова?” Тогда мне исполнился 21 год. Он ласково поговорил со мной, и я решила остаться, хотя у меня и были мысли об уходе».

О. Понтий очень ласково относился к Варваре Николаевне и называл ее часто Варюшей, Марию Николаевну называл по имени-отчеству, очень редко Маней. Анастасию Николаевну иногда называл Настей. О. Понтий очень любил Марию Ярошук и часто называл ее Манечкой. После смерти о. Понтия, когда вывезли Варвару Николаевну, Мария Ярошук была старшей в Гае. Она умерла рано от туберкулеза. Я знал ее, она была очень доброжелательной, очень мягкая по характеру и красивая по наружности.

«Однажды со мной случилось такое происшествие, — продолжает свой рассказ Маргарита. — Некоторое время я была на Кроше. На участке около проезжей дороги мы как-то жали рожь. По дороге, ведущей в Табаришки, на возу ехал мимо польский офицер. Он остановился, заговорил со мной, а в конце сказал, что хочет взять меня к себе как дочку. Узнав об этом, о. Понтий приказал, чтобы я собрала вещи и

перешла в Гай. Мне очень не хотелось уходить из Кроши, но я не смела ослушаться о. Понтия. Военный еще раз заезжал в Крошу, спрашивал обо мне, но меня уже в Кроше не было. Неизвестно, какая бы судьба постигла меня, если б я ушла к польскому офицеру».

Несколько слов о Вере Степановне Мешковской, к которой очень хорошо относился и [которую] любил о. Понтий. Она была духовной дочерью о. Понтия еще до приезда его в Михново. По профессии была медсестрой и трудилась в первую мировую войну на фронте. У нее было неудачное замужество. Дочка ее умерла маленькой. С мужем она разошлась. Приехала в Михново вскоре после прибытия туда о. Понтия. Она оказывала михновцам медицинскую помощь, ухаживала за всеми больными и заведовала домашней лавочкой, которую организовал на свои средства о. Понтий. Чтобы михновцы не переплачивали в тургельских лавках за продукты, он организовал покупку в оптовых складах в Вильне таких продуктов, как мешки с сахаром, бочки селедок, постное масло и т.д. Все это михновцы покупали без наценки на прибыль, а на вырученные деньги опять закупались новые продукты оптом. Сразу после войны и в те времена, когда Михново было еще колхозом, Вера Степановна помогала продавать в Вильнюсе продукты сельского хозяйства. Ездила она в город каждую неделю, возила тяжелую поклажу и выполняла это послушание, пока у нее для этого хватало сил. Последние годы своей жизни она долго и тяжело болела, но все свои страдания она переносила мужественно. Во время болезни за ней ухаживала очень самоотверженно Оля Шашура.

Теперь расскажу о своем знакомстве с Михновым, с Анастасией Дементьевной, а позже с о. Понтием. Когда в 1933 году я приехал на работу в Тургели и явился с визитом к тургельскому ксендзу прелату Шепетскому, он спросил, женат ли я. Узнав, что нет, он сказал: «У меня для Вас есть хорошая невеста, это внучка моей старой знакомой из Михнова — Анастасии Дементьевны Корецкой. Сходите, познакомьтесь и не мешкайте, чтобы кто-нибудь другой не похитил ее у Вас из-под носа». И я отправился через

несколько дней в Михново. Анастасия Дементьевна была начитанной умной женщиной, умеющей вести разговор на любые темы. Анастасия Дементьевна расспрашивала меня, откуда я родом, кто мои родители. Оказалось, что она слышала о моей матери, известной в Вильне спортсменки по конному спорту еще в старое дореволюционное время. Я стал посещать уютный михновский дом с симпатичной бабушкой и милостивой внучкой по имени Ира. Скоро я познакомился с ее родителями Вячеславом Платоновичем и Марией Николаевной, а также с ее тетками Варварой Николаевной и Анастасией Николаевной. С Ирой мы подружились, вместе ездили верхом, катались на байдарке по реке Меречанке, играли в крокет в липовой аллее михновского парка, зимой ходили на лыжах. Скоро я сделал Ире формальное предложение на скамейке в липовой аллее Михновского парка, где, по семейному преданию, дед ее, Николай Осипович Корецкий, объяснился со своей будущей женой. Сразу же после Крещения, т.е. 20 января 1935 года, состоялась наша свадьба. Перед свадьбой я исповедовался у о. Понтия. На исповедь я шел с некоторым страхом ввиду того, что слышал о его строгости и требовательности. Ко мне он отнесся очень снисходительно и доброжелательно. Выслушав мою исповедь, он сказал, чтобы я старался исправиться, чаще ходил бы в церковь, по мере возможности соблюдал бы посты, помнил о Боге и любил Его, а также любил ближних своих, как самого себя...

В Михнове уже давно не происходило никаких светских увеселений, но тут было сделано исключение. Решено было пригласить моих родных, знакомых и некоторых подружек знакомых невесты. На свадьбе присутствовали три тургельских ксендза, среди них и наш сват, прелат Шепетский. Приглашенный на свадьбу о. Понтий отсутствовал, он избегал светского общества. Когда настало время венчания, все отправились в церковь. Только совсем недавно я узнал от михновского священника о. Константина, что свадьба наша была «при закрытых дверях». Михновцам не было разрешено присутствовать в церкви, чтобы не было тесноты. Количество сестер в то время было в Михнове во много раз больше, чем в настоящее время. Пел церковный

хор, которым управляла Мария Николаевна. На свадьбе были также Ирины родители и тетки, Нина Васильевна Климович, старая знакомая моей семьи, наши соседи Родзевичи, тургельский ветврач Соколовский. Все было как положено, подали обручальные кольца. О. Понтий сказал: «Обручается раб Божий Борис рабе Божией Ирине» и наоборот. Он нас водил три раза вокруг аналая. Ира была в белом платье, на голове традиционная фата. Я был в смокинге, белой накрахмаленной рубашке с черной мушкой. Все как полагалось, согласно моде того времени. Я предоставил Ире возможность первой вступить на разостланный ковер из розового атласа. Примета, что в супружеской жизни она будет главенствовать. Мне трудно сказать, насколько верна эта примета. После венчания о. Понтий поздравил нас, хор пропел «многая лета», мы поцеловались. Свадебный обряд был закончен. Сначала родные, затем знакомые подходили к нам с поздравлениями. Все приглашенные сели за большой стол в тогдашней столовой. Начались тосты и пожелания. Из напитков было только вино. Музыкантов не было. Решили, что неудобно, чтобы гремела музыка в Михновском доме. Да и не было тогда в обычае приглашать музыкантов и выбрасывать на свадьбу тысячи. Но танцы были под рояль и патефон. Играли в распространенную тогда игру: ставили шарады. Так началась наша семейная жизнь, которая продолжается уже много лет. Наступил роковой 1939 год. В январе месяце началась в Михнове тяжелая эпидемия гриппа. Было очень много больных. 14 января умерла матушка Мария Ивановна Томашевская, жена о. Павла. 19 января умерла Евдокия Гуринович. Тяжело заболел о. Понтий. У него после гриппа развилось двустороннее воспаление легких. По природе слабый, истощенный постами, он тяжело переносил болезнь, но состояние духа было у него радостное. В те времена мы, врачи, еще не располагали, как теперь, действенными средствами лечения этого заболевания. Много людей, особенно пожилого возраста, умирало тогда от воспаления легких. Через несколько дней, 23 января, умер и о. Понтий. До самого конца он был в полном сознании. Я его лечил и был при его смерти. Анастасия Николаевна тоже тяжело болела в это время. Она лежала в постели и не могла ухаживать за о.

Понтием. Она предчувствовала кончину о. Понтия. Когда Мария Николаевна, возвращаясь от о. Понтия, заходила к ней, в ее глазах всегда были тревога и вопрос. После смерти о. Понтия слегла и Варвара Николаевна. У них обеих было воспаление легких, и на похоронах о. Понтия они не присутствовали. Отпевали его о. Иосиф Дзичковский, о. Павел, о. Григорий Жуков из Побени и дьякон Свято-Духова монастыря о. Сергей.

Можно предполагать, что в последние дни своей жизни о. Понтий молился о своей пастве, которую он не покинул и после смерти. Господь устроил так, что отец Понтий не дожил до того времени, когда он мог стать мучеником, а такое время приближалось. Вначале на его могиле стоял деревянный крест и была построена временная маленькая деревянная часовня. А несколько позже над его могилой была возведена часовня, которая стоит до настоящего времени. Она была построена под руководством и при ближайшем участии Владимира Павловича Крутько, брата Веры Павловны, — старшей на участке Михново. Позже он построил также железобетонный мост в Михнове через речку Меречанку. Многие духовные дети о. Понтия из тех приходов, которые он посещал при жизни, пришли в Михново и своим трудом участвовали в строительстве часовни. Теперь рядом с часовней похоронены по их желанию и три сестры Корецкие.

1939 год

Я был в отпуске и, как завзятый охотник, отправился на молодых тетеревов со своей собакой Дианкой, рыжим ирландским сеттером. Когда я вернулся, то нашел дома повестку о призыве в армию. Мобилизация. В Тургелях необыкновенное оживление.

На площади перед костелом толпа. Очереди перед магазинами. Народ выкупает соль и керосин. Дословно в последние минуты перед отъездом мне пришлось удалить у больного зуб. Жена при прощании плачет. Годовалая дочь наша Наташа не понимает серьезности положения и улыбается. 1 сентября началась польско-немецкая война.

После ее окончания я некоторое время задержался в Варшаве, куда я попал вместе с отходящей с Востока польской армией. Из наших мест первым вернулся с войны житель дер. Павлово Дрозд, который был вместе со мной в одном батальоне. Дрозд рассказал, что во время одного из налетов немецкой авиации я был убит. Он сам видел, как я лежал убитый около своей лошади, на которой ехал верхом. В действительности же дело обстояло так: когда на нас налетели немецкие самолеты, начали стрелять из пулеметов и бросать бомбы, я соскочил со своей верховой лошади и лег ничком на землю, держа лошадь за повод. Дрозд подумал, что я убит, и, вернувшись домой, рассказал об этом. Тем временем эти слухи дошли до моей жены, и она была потрясена моей гибелью. Через несколько недель я вернулся с войны. Когда я ехал из Варшавы, то должен был перебираться через две границы: немецко-советскую и советско-литовскую. Тогда у нас была сметоновская Литва и границу стерегли строго. При переходе немецко-советской границы, которая проходила около станции Малкиня (Белосток тогда был советским), я и все мои попутчики были задержаны советскими пограничниками. Дело было ночью. Они очень вежливо отвезли нас назад, т.е. на немецкую территорию, откуда мы пришли. Но мы в ту же ночь вторично перешли границу в другом месте и благополучно добрались до ближайшей железнодорожной станции Малкиня, а затем через Белосток, Гродно, Лиду доехали до второй границы — советско-литовской. Тут нас изловили около Шальчининкай сметоновские пограничники, привезли в ближайшую деревню и начали допрашивать. Но меня узнали школьники. Они сказали: «Да ведь это наш доктор, он нас всегда осматривает в школе». Литовские пограничники поверили и отпустили меня. Я сел в поезд и доехал до станции Яшунай, а оттуда на попутной подводе до Тургель. Много было радости, когда «убитый» явился домой.

Великая Отечественная война. 1941–1945 годы

О возможности войны с немцами у нас никто не говорил и не думал. Наши места вместе с г. Вильнюсом советское

правительство вернуло Литве как исконно литовские земли. Через год мы добровольно присоединились к Советскому Союзу и стали 16-й советской республикой. Сначала все было хорошо, но затем советская власть начала притеснять владельцев более крупных земельных участков, им надо было платить очень большие налоги, иначе им грозил арест и вывоз. Вывезли также и из Михнова сестер Корецких Варвару Николаевну и Анастасию Николаевну. Чудом уцелели лишь Мария Николаевна и Вячеслав Платонович. Последний случайно отсутствовал — поехал по делам в Вильнюс. Его предупредили, чтобы он не возвращался домой. Он нашел пристанище у Глаголевой. Она затем жила в Михнове до самой смерти и похоронена на михновском кладбище. Мария Николаевна, одетая как другие сестры, узнав, что ее ищут, вышла из дома никем не замеченная и укрывалась с помощью сестер в лесу. То, что Вячеслав Платонович и Мария Николаевна остались на месте, очень помогло михновцам пережить наступающие трудные времена. Между тем в Вильне и других городах и селах Литвы арестовывали и вывозили бывших служащих Польши и сметоновской Литвы, но вывозили также и людей совершенно случайных, например из Тургель забрали мою помощницу врача Лауру Пытель. Я и моя жена тоже были в неуверенности и сидели на упакованных чемоданах, и вдруг... в воскресенье 22 июня 1941 года я случайно включил радио и услышал выступление Молотова. Он говорил о вероломном нападении Гитлера на Советский Союз. Итак, война... К вечеру со стороны Вильнюса доносились разрывы бомб, которые фашисты бросали на аэропорт и железнодорожную станцию. На другой день появились небольшие разрозненные отряды Красной Армии, которые, потеряв связь между собой, спешно отходили на Восток. На третий день войны в Тургелях появились немецкие мотоциклисты, одетые в длинные плащи стального цвета. Они наводили панику на население, стреляли для устрашения людей. В соседней деревне убили ребенка, ранили старую женщину. Когда началась война и поднялась паника, Вячеслав Платонович вернулся домой. К нему обратились инструктор тургельского волисполкома Быков и тургельский житель по фамилии Копель с просьбой дать им лошадь с телегой, чтобы они могли поскорее выбраться из

наших мест. Посоветовавшись со своими, Вячеслав Платонович дал им подводу, при этом не из страха, потому что бояться их уже было нечего, а из истинного христианского отношения к людям, желая помочь попавшим в беду. Копель не вернулся, пропал бесследно, говорят, что гитлеровцы убили его, потому что у него был ярковыраженный еврейский тип. А Быков вернулся в наши края после войны, совсем седой, с обезображенным лицом. Он выступил в Вильне на заседании уездного комитета партии и горячо защищал Вячеслава Платоновича Шафаловича и Михново.

Период немецкой оккупации был тяжелым. Все медицинские учреждения, созданные при советской власти, были ликвидированы. Мы, медицинские работники, должны были заняться частной практикой. Начались аресты и расстрелы советских активистов, евреев. Между прочим, гестаповцы убили около дер. Бигерды пять советских активистов. Тургельские евреи были помещены в гетто в Яшунах, а потом зверски убиты в лесу Ленкишского лесничества недалеко от дер. Гай. Фашисты держали их в Яшунском палаце. Их там почти не кормили. Михновцы посылали им продукты. Однако это было сопряжено с большим риском. Во время войны михновцы кормили и помогали очень многим нуждающимся в Вильне и окрестностях.

Интересно вспомнить историю михновца Трифона Сологуба. В 1939 году он был призван в польскую армию и попал в немецкий плен. Сначала он был в лагере для военнопленных, а затем его направили к одному немецкому крестьянину на сельскохозяйственные работы. Но Трифон, строго соблюдая посты, не стал есть ничего скоромного в постные дни, по воскресеньям и в дни церковных праздников он отказывался работать. Хозяин вообразил, что это с его стороны саботаж, что он не хочет есть, чтобы быть не в состоянии работать, как рассуждал хозяин, и отправил его назад в лагерь. Там его высекли и отправили снова к хозяину, но это не помогло. Трифон продолжал постить и не изменил своего поведения. После этого хозяин решил, что Трифон ненормальный, и отправил его назад в лагерь. В конце концов немцам надоело

с ним возиться, и его отпустили из плена. Он вернулся домой задолго до окончания войны в 1942 году. Это хранение Божие, что для Трифона вся эта история окончилась так счастливо, ведь немцы могли бы поступить с ним и более сурово. К концу 1943 года в наших краях появились отряды польских партизан, которые тоже бесчинствовали и убивали советских активистов. Следует упомянуть, что в Михнове во время немецкой оккупации скрывались некоторые советские активисты из Белоруссии. Это Николай Трубач с женой и дочерью, которые жили и работали на мельнице в Кроше. Недавно дочь Николая, Ира Трубач, навестила Михново, заходила к нам, и мы вспоминали прошлое. Кроме них в Михнове укрывался еще советский активист Николай Гринцевич и другие. В это опасное время они нашли в Михнове приют. Но их местопребывание там стало известно, и им пришлось покинуть Михново и укрываться в другом месте.

Потрепанные под Москвой, разбитые на Курской дуге, под Сталинградом и в других сражениях гитлеровцы откатывались назад и покидали огромные пространства нашей страны. Фронт приближался к нам. Перед своим отходом гитлеровцы окружили Тургели и согнали всех его жителей, в том числе и меня с семьей, за костельную ограду. Нас там продержали несколько часов. Что они с нами хотели сделать, неизвестно. Но... грянули выстрелы приближающихся советских танков, и фашисты нас отпустили, им было некогда расправляться с нами, они должны были уносить свои собственные шкуры. Мы были спасены.

Вскоре после изгнания гитлеровцев из наших краев приключилась страшная история, о которой я хочу упомянуть. Она была мною написана и напечатана в Шальчининкской районной газете под названием «Их было семеро». Кратко передам содержание этой истории. Как-то после обеда приходит ко мне знакомый житель Тургелей и говорит: «Выйдите, доктор, и посмотрите, кого мы вам привезли». Я вышел во двор и ужаснулся. На санях было свалено семь тел, они были раздеты, некоторые в кальсонах, у

всех у них выстрелом в затылок были прострелены черепа. Один из них был еще живым, но без сознания. Оказалось, что все они принадлежали к числу «народных защитников» или «истребителей» — отряду, созданному советской властью из числа местных парней в основном в возрасте от 18 до 20 лет. Большинство их проживало в местечке Тургеляй или соседних деревнях. Многих из них я знал лично. Народные защитники поехали на разведку по соседним населенным пунктам и в деревне Лесьна, в 5 км от Тургель, их окружил крупный отряд националистов и всех их перебил. Только один из них, Дулько с Долгой улицы, жил еще два дня. Я его навещал, делал перевязки. Но все же на свете, видно, существует закон высшей справедливости: через несколько дней отряд националистов был почти полностью уничтожен советскими войсками из так называемой Вихровской дивизии.

После изгнания гитлеровцев из наших мест был объявлен приказ о мобилизации людей в советскую армию. Но взбунтованный и деморализованный народ не знал, что делать. Начались облавы. Пойманных отправляли на шахты и на другие работы. Только проживающие в Михново мужчины призывного возраста добровольно явились на призывной пункт и служили в советской армии. Было их четверо. Это Петр Тихонович Гайдарович 1909 года рождения. Он был на фронте, дошел до Калининграда, был ранен в правую руку разрывной пулей, лечился полтора месяца в Каунасе, потом в Чебоксарах, признан инвалидом второй группы, награжден медалями за отвагу. Когда в Михнове образовался колхоз, он был избран председателем колхоза. Вторым был Иван Макарович Баслык. Он служил в артиллерии разведчиком-наблюдателем. Воевал на 2-м Белорусском фронте. Его дивизия брала польские города Гданьск, Свинемунде, дошла до реки Эльбы. Он тоже имеет награды, ордена и медали за отвагу. Третий михновец, Викентий Андреевич Виринский, 1923 года рождения, воевал на 1-м Белорусском фронте. От реки Вислы он дошел до города Познани и Берлина, служил в артиллерии связистом, за боевые заслуги награжден медалями. А теперь он награжден орденом Трудового Красного Знамени за хорошую

работу в совхозе. После войны все они вернулись в Михново, где проживают и работают в настоящее время. Четвертым михновцем, ушедшем на войну, был Николай Квяткевич, но в настоящее время он тут не проживает.

В жизни Михнова начался новый «советский» период. Вскоре был создан колхоз «Михново». Председателем был избран Петр Тихонович Гайдарович, его заместителем был Вячеслав Платонович Шафалович. Вера Павловна Крутько стала бухгалтером колхоза (она окончила в свое время польский торговый техникум).

Вячеславу Платоновичу пришлось приложить много труда для защиты колхоза «Михново» от нападок со стороны местных властей и завистников. В Михнове тогда всего было в изобилии, потому что хозяйство там было поставлено хорошо. Михновцы полностью и своевременно рассчитывались с государством, в то время как соседние новосозданные колхозы дословно прозябали и хозяйство в них еще не было налажено. В районные и республиканские партийные и советские органы поступали постоянные жалобы на «монахов», так называли михновцев. Говорили, что заправилкой у них является бывший помещик и царский офицер. И только благодаря тому, что среди начальства были разумные и хорошие люди, Михново уцелело как колхоз. Среди этих разумных людей были: т. Писарев из Совета Министров, т. Василенко — первый секретарь парткома Вильнюсского уезда, т. Пашкевич из земельного уездного отдела. Благодаря этим людям Михновский колхоз просуществовал 13 лет: с 1951 до 1964 г. Правда, были попытки развалить Михново изнутри. Был даже подослан провокатор священник, который имел задание доказать, что михновцы — это сектанты. Вячеслав Платонович даже ездил по этому делу в Москву и добился аудиенции у патриарха Алексия. Патриарх, оказываясь, в бытность свою епископом в Ленинграде встречался с о. Понтием, который служил тогда в епархии. Он вспомнил о. Понтия, отзывался о нем одобрительно и с уважением и сказал: «Вы правильно делаете, что почитаете память своего батюшки». Дело о михновской «секте» было прекращено, а священник-

провокатор из Михнова был убран. Вскоре в Михново вернулся о. Константин Авдей, который спустя некоторое время вынужден был опять покинуть общину.

Ввиду того, что в истории Михнова большую роль сыграл Вячеслав Платонович, хочу более подробно рассказать о нем. Вячеслав Платонович родился в семье военного. Отец его был царским генералом. Вячеслав Платонович учился сначала в Московском кадетском корпусе, затем в Михайловском артиллерийском училище в Петербурге. После его окончания был назначен в 25-ю артиллерийскую бригаду в Двинске, а затем был переведен в 27-ю артиллерийскую бригаду в Вильно. Со своей будущей женой Марией Николаевной он познакомился в 1911 году в имении Павлово на именинах баронессы Дельвиг. Мария Николаевна ему сразу понравилась: веселая, хорошо танцевала, ездила верхом, знала иностранные языки. Вскоре состоялась их свадьба, родилась дочка. Когда началась Первая мировая война в 1914 году, Вячеслав Платонович пошел на войну. В первые же месяцы войны армия генерала Самсонова, в состав которой входила 27-я артиллерийская бригада, была окружена и разбита в Восточной Пруссии. Братьям Шафаловичам удалось избежать немецкого плена. Вячеслав Платонович к концу войны уже в чине подполковника служил при штабе Северной армии, расположенной в районе города Риги. Мария Николаевна с двухлетней дочкой Ирочкой, чтобы не потерять связи с мужем, уехала в Петроград и жила там у своих родственников Чагиных. Когда произошла революция и фронт развалился, Вячеслав Платонович приехал в Петроград к жене и дочери. Ему, как бывшему кадровому офицеру царской армии, было трудно устроиться куда-либо на работу. Он и его товарищи создали артель и расчищали снег на улицах. В конце концов он поступил служить в Красную Армию и получил назначение в Ярославль. Но тут пришло письмо от Анастасии Дементьевны из Михнова, которая писала: «Приезжайте домой, картошки хватит для всех». Ввиду того что жизнь в Петрограде стала голодной и опасной, кругом шли аресты, Вячеслав Платонович и Мария Николаевна решили ехать домой в Михново. С большими приключениями им удалось перебраться через линию

фронта. В наших краях еще были немцы, которые проиграли войну на Западе. Они собрались уходить домой в Германию. Шафаловичи добрались до Михнова и поселились в большом Михновском доме. Тогда еще не было ни Кроши, ни Гая и все жили вместе. Через некоторое время приехала из Петербурга и семья Петеровых: совсем одряхлевший генерал Петеров, больная Анна Аркадьевна и маленький Коля, их сын.

После ухода немцев в Вильне образовалась рабоче-крестьянская власть, появились ревкомы, начались аресты. Семья Корецких была арестована и некоторое время находилась в Виленской тюрьме. В конце концов, не найдя никакой вины, их отпустили. Когда они были арестованы, им очень помогал Иван Войтюлевич. За это Анастасия Дементьевна подарила ему позже несколько гектаров земли: участок, называемый Лысой Горкой, где он обосновался с семьей, построился и жил долгие годы до выезда своего в 1945 году в Польшу. За его помощь Михнову Ивана Войтюлевича люди прозвали спасителем.

В 1919 году на наших землях образовалась Польша. Тут Вячеслав Платонович, можно сказать, «перековал меч на орало», т.е. из кадрового офицера превратился в хозяина-землероба. Вячеслав Платонович стал изучать польский язык, без знания которого было трудно добиться чего-нибудь в польских учреждениях. Анастасия Дементьевна перед отъездом (в Палестину. — *Ред.*) разделила имение между дочерьми на три участка, которые стали называться Крошей, Гаем, а центральный остался Михновом. Вячеслав Платонович приступил к строительству своего участка на Кроше. Он списался с родственником Корецких, Чагиным, проживающим в Петрограде, которому принадлежала так называемая «Чагинская дача», и купил ее у него. Дом был перенесен на Крошу. Так образовалось хозяйство Кроша, где поселилась семья Шафаловичей. Вячеслав Платонович оказался хорошим хозяином: он разбил сад, огород, завел лошадей, коров, свиней. Построил мельницу, сделал запруду на небольшом ручье, впадающем в реку Меречанку. Он очень много читал книг о сельском хозяйстве и изучил его досконально.

В 1921 году, когда в Михнове о. Понтий круто изменил внутренний уклад жизни, стали прибывать люди, желающие жить по правилам, установленным о. Понтием. Когда строили крошанский дом, о. Понтий сказал, как бы предвидя будущее: «Стройте дом побольше, пригодится». И дом построили большой. Когда я женился на дочери Вячеслава Платоновича, он крепко помог нам в строительстве нашего тургельского дома. Я еще был неопытным молодым человеком, и Вячеслав Платонович взял на себя всю тяжесть забот по строительству.

В начале гитлеровской оккупации немцы пригнали около ста советских военнопленных в бывшее имение Андриево, принадлежащее прежде не безызвестному в наших краях генералу Желиговскому. Я и михновцы добились того, что немецкие охранники стали их отпускать на работу в Михново, а потом и в другие соседние с Андриевым места. Там их кормили и давали с собой продукты, что дало им возможность выжить в Андриевском лагере для военнопленных. Скоро их отправили в Германию. Некоторые из них уже после войны писали Вячеславу Платоновичу и благодарили за оказанную им помощь.

Вся эта история, описанная мною, была напечатана в республиканской газете «Тiesa» («Tiesa») на литовском языке. Нина Варфоломеевна Ивашевич из Михнова вспоминает о своих детских годах в Михнове и о том, как Вячеслав Платонович любил и хорошо относился к детям и играл с ними в жмурки на елке. Хочу процитировать здесь то, что написал о Вячеславе Платоновиче живущий на Кроше Алексей Николаевич Петровский: «Вся его жизнь с нами переполнена тяжелым трудом ради живущих с ним его близких. Это был человек в высшей степени сострадательный ко всем, справедливый, не терпящий лукавства и лицемерия. Он трудился нисколько не щадя себя, несмотря на свое болезненное состояние и преклонный возраст, и служил примером для всех окружающих его. Сколько он перевернул земли лопатой, копал погреба и ямы силосные, сколько перевернул камней, разрывая старые фундаменты, сколько перепилил леса с более молодыми, чем сам! И как это все он

переносил — трудно описать. Здесь только вкратце описан его физический труд. А кто может определить его душевный труд, который он нес? Он за каждого человека, живущего с ним, болел душой, всякому старался помочь в трудных обстоятельствах: кого вразумить, кого ободрить, кого утешить. Из многих таких случаев опишу один, который мне пришлось видеть и отчасти быть участником. Это было во время окончания войны с Гитлером. Наш Петр Тихонович лежал раненый в госпитале в Каунасе, и Вячеслав Платонович, сам болезненный, в преклонных летах, решил навестить его. И, собрав большой целый ящик провианта разного рода, он поехал со мною в Вильно на лошади, а там с нашей квартиры пришлось мне нести с ним (этот груз. — *Ред.*) на вокзал через пешеходный мост по ступеням. Я, будучи много моложе его, так устал, что едва дотащил до места. А ему одному пришлось там возиться с таким грузом, пока добрался до госпиталя. И как он обрадовал Петра Тихоновича своим посещением! Этот его поступок ясно определяет высоту его духа и любви к людям. Если описать подробно все его добрые дела, то пришлось бы написать немало». Многие годы Вячеславу Платоновичу удавалось отстаивать независимость Михнова, но в 1964 году колхоз «Михново» был ликвидирован и включен в состав Табаришского совхоза. Вячеслав Платонович остался не у дел. Теперь он мог немного отдохнуть. Но приближалась старость, начались всякие болезни, в особенности беспокоило сердце. 5 октября 1968 года Вячеслава Платоновича не стало. Он не захотел быть похороненным в семейной часовнеусыпальнице, а просил, чтобы его похоронили на открытом месте, чтобы гроб его опустили в землю, которой он посвятил значительную часть своей жизни, которую он так любил и на которой он работал физически, и работал, пока были силы, тяжело работал. Я думаю, что память об этом большом труженике и заступнике Михнова надолго сохранится среди тех, кто его знал.

6. После смерти о. Понтия, согласно его заветам

Время шло. Умерли Варвара Николаевна, Мария Николаевна, Анастасия Николаевна. Не стало Вячеслава Платоновича. После смерти о. Понтия прошло более сорока лет. Вместо умерших сестер Корецких старшими на отдельных участках стали: в центре — Вера Павловна Крутько, на Кроше еще Марией Николаевной была назначена Вера Азончик, на участке Гай — Аглаида Понтиевна Рупышева, дочь отца Понтия. Богослужения совершает и духовником михновцев является отец Константин Авдей. Весь внутренний уклад жизни в Михнове остался без особых перемен. Вспоминается мне один из октябрьских дней 1982 года. Я пошел в Михново. Дорога сухая, дождя давно не было. С левой стороны от дороги виднелась изумрудная зелень посеянной ржи. Немного дальше справа на совхозном поле идет уборка кормовых бураков, их вырывают из земли и складывают в большие кучи, чтобы затем, обрезав зелень, спрятать на зиму в бурты. Кругом тишина, какая бывает только осенью. На деревьях уже заметны цвета осени: утренние заморозки разукрасили листья деревьев в золотистый, багрянокрасный, во все цвета радуги.

Я подошел к нашей речке Меречанке. Не слышно голосов птиц. Еще несколько дней тому назад я слышал и видел около дома в своем саду скворцов. Это было только один раз, больше скворцы не показывались. Еще сравнительно недавно (несколько недель тому назад) в Михнове слышно было клетотание аистов, и перед отлетом они совершали свои тренировочные полеты. В этом году их было исключительно много. Но они уже улетели. Только можно еще услышать воркование голубей особой «михновской» породы: они светло-серого цвета и по величине меньше обыкновенных домашних. Очевидно, они произошли от скрещивания дикого голубя с домашними. Я прошел по липовой аллее и уселся отдохнуть на «исторической» скамейке. В михновском саду сгребают опавшие листья, уже нагребли большие кучи, а они все падают и падают. Я прошел на кладбище к могилам моей матери, тетки Ксении, нашего не увидевшего света Божия сына, трех сестер Корецких, Вячеслава Платоновича, к

часовне на могилу о. Понтия. На скамейке около могилы трех сестер я увидел одну из михновских сестер Маню Мелюк. Она сказала: «Я часто прихожу на их могилы, вспоминаю прожитые рядом с ними годы. Мысленно беседую с ними. После их смерти я чувствую себя очень одинокой. Не с кем поделиться своими мыслями, переживаниями. В их лице я имела надежную духовную опору. К ним я всегда обращалась за поддержкой и утешением. Ведь они были так добры и отзывчивы ко всем нам. Трудно смириться с их утратой и забыть их». Я как умел старался утешить Маню. Скоро она ушла домой исполнять свои обязанности: она работает на кухне поваром и является великим мастером в приготовлении не только обыкновенной скоромной, но и постной пищи, что намного трудней. Немного посидев, я тоже встал и пошел домой.

С Михновом меня связывают не только родственные отношения — моя жена из Михнова, но и могилы моей матери, тетки, сына, которые похоронены в Михнове. Я хочу вкратце вспомнить о них. Моя мать — Екатерина Петровна Петухова из дома Салтыкова. До первой империалистической войны вела светский образ жизни. Она была довольно знатной и богатой дамой. Умерла моя мать в 1967 году в возрасте 86 лет. Похоронена на михновском кладбище.

Тут же похоронена ее родная сестра, моя тетя, Ксения Петровна Розовская, тоже урожденная Салтыкова. Муж ее был многолетним заместителем директора Путиловского, в настоящее время Кировского завода в Ленинграде. Они жили хорошо и ни в чем не нуждались ни в царское, ни в советское время. Но в 1941 году, когда началась Отечественная война, Розовского вывезли в Сибирь, где он умер от развившегося у него от недоедания туберкулеза легких. Тетка моя, Ксения, была в молодости балериной и танцевала характерные танцы в театрах Петербурга. Она поехала в Сибирь добровольно вслед за вывезенным мужем, а когда вернулась, ей в паспорте почему-то проставили «100». Это значит, что она имеет право проживать не ближе, чем за 100 км от Ленинграда. Она купила в Толмачеве за Лугой домик и там жила. А деньги на

покупку дома она получила от продажи одной серьги с бриллиантом.

Живя в Толмачеве, тетка Ксения часто ездила в Ленинград в гости к своим родственникам и знакомым. Под старость она плохо видела одним глазом, и ее при переходе улицы, сбила грузовая машина. После этого она долго лечилась, даже одно время в психиатрической больнице. «Друзья» ее обобрали и, когда у нее уже ничего не было, привезли ее к нам, в Тургели, где, прожив около двух лет, она умерла и похоронена почти рядом со своей сестрой.

Посещая могилы своей матери, тетки и сына, я раздумывал над жизнью человеческой, и мне припомнились стихи поэта Державина: «Река времен в своем стремленьи уносит все дела людей и топит в пропасти забвенья народы, царства и царей». Но случается, что идеи духовного начала остаются и существуют дольше быстро проходящей человеческой жизни. Они передаются другим людям, пришедшим на смену умерших, иногда живут в веках, озаряя и поддерживая души отдавшихся им людей. Недавно исполнилось 43 года со дня смерти о. Понтия. Однако память о нем живет в наших сердцах. Не является ли это залогом бессмертия, о котором мечтают многие? Пожелаю же вам, духовным наследникам отца Понтия и трех сестер, свято хранить и укреплять в сердцах ваших их заветы — эту поистине духовную твердыню православия.

Эпилог

Когда я приступил к собиранию материалов для своего труда, я несколько дней провел в Михнове. Утром, еще лежа в постели, я вспоминал то, о чем мне накануне рассказывали михновские старожилы, т.е. о жизни в Михнове и далеком прошлом. А в углу, где я лежал, светила перед иконами неугасимая лампада. Я вставал, садился за письменный стол и записывал все мною услышанное. Я размышлял также о смысле существования Михнова и пришел к убеждению, что для многих оно очень нужно, что здесь они обретают то, чего им недоставало: находят утешение в своей часто одинокой

жизни, утешение в молитве, в посте, а кто может, и в труде. И они уже не одиноки в жизни, их окружают любящие единомышленники.

Во время пребывания моего в Михнове припомнились мне похороны последней из трех сестер Корецких — Анастасии Николаевны. Когда гроб ее опускали в глубоко выкопанную могилу и по крышке его застучали промерзшие комья земли. Могилу ее засыпали михновские братья.

И вот я теперь исполнил свой долг. Может, мой скромный литературный труд поможет сохранить на долгие годы память о создателях и руководителях михновского христианского объединения, а в ваших сердцах и в сердцах тех, кто придет вам на смену, укрепит на начало, заложенное ими. Вечная им память!

Воспоминания Ирины Вячеславовны Петуховой

И.В. Петухова (19.08.1913–25.06.2005) — урожденная Шафалович. Педагог, работала в Тургельской школе. Ее воспоминания записаны в ходе интервью, которое она дала журналистам ТВ Литовской Республики А. Асовской и Э. Гер в 1991 г. На основе материалов интервью был снят документальный фильм «Три сестры», демонстрировавшийся по литовскому телевидению. В тексте сохранены особенности старой классической нормы произношения.

В этом поместье родилась и выросла моя мама Мария Николаевна Корецкая. Она вышла замуж за потомственного военного Вячеслава Платоновича Шафаловича и по причине службы мужа жила в Вильнюсе. А потом, после войны с Германией 1914 года и революции 1917 года, переехала и стала жить в Кроше. А поместье это было основано еще во времена моего детства.

Я вышла замуж в 1935 году. Мой муж Борис Александрович Петухов был известным в округе врачом. Я же работала в тургельской школе учительницей. Наше знакомство с Борисом Александровичем состоялось в Михнове. По приезде в Тургели он наносил визиты всем помещикам, и нас тоже навестил. Потом мы часто с ним встречались, плавали по реке на байдарке, катались верхом на лошадях. Правда, это были не скаковые, а обыкновенные деревенские рабочие лошади. А спустя год Борис Александрович попросил моей руки. Свадьба состоялась в Михнове. Невеста, как правило, меньше всего замечает, сколько было приглашенных персон и что подавали на стол. Только помню, что на свадьбу приезжали отец Бориса Александровича и его брат, с женами и детьми, а также были наши соседи, знакомые.

Поначалу мы жили в Тургелях на частной квартире. Потом уже с помощью родителей в 1937 году построили там себе дом. И до сих пор этот дом стоит, только теперь мы меньше в нем живем, поскольку уже не работаем, а зимой я больше живу в Вильнюсе у детей.

Как мы жили, с кем и как общались? В нескольких верстах от нас в Весечанах, Стабавишках были имения, где жили местные помещики. Хоть и нечасто, мы наносили им визиты и они приезжали к нам. В Тургелях же нас окружала местная интеллигенция: учителя, аптекарь, врач, ксендзы, духовенство. А вот в Вильнюс ездили часто. Там у нас было много знакомых. Вот один из примеров нашей жизни. Я хорошо помню благотворительный бал во дворце в Половах. Его устроителями были члены общества борьбы с туберкулезом, местная знать и интеллигенция. Бал был очень красивый. Дамы блистали в дорогих нарядах. Из Вильнюса были приглашены музыканты, работал буфет, и проводилась лотерея. Все участники бала, и даже крестьяне, вносили пожертвования. Все знали, что средства, собранные во время благотворительных акций, направлялись в помощь больным туберкулезом. Общество имело машину, оборудованную рентгеновской аппаратурой, которая объезжала сельские местечки, деревни. Врачи проводили обследование

населения, и если выявлялись признаки заболевания туберкулезом, больным назначалось лечение.

Михново является христианской православной общиной, которая была основана моими родными под влиянием и руководством отца Понтия. Вероятно, создание общины для людей, желающих религиозно жить и трудиться, явилось проявлениями чистых помыслов и благими движениями души близких мне людей, которым захотелось жить жизнью, основанной на примерах первых христианских общин. И такая община с Божией помощью здесь родилась. При отце Понтии в ней было более ста человек. Все насельники были дружны и жили единой семьей. Я росла и дружила с Ниной Варфоломеевной Ивашевич, Машей Лавровой.

А было и так. Дети, вырастая, уходили. Их больше привлекала светская жизнь, нежели строгая аскетическая, которой жили насельники общины. Да и работа в сельском хозяйстве тяжелая, а люди ищут более легкой жизни. Но это было позднее. Сейчас мало кто приходит, и в общине сегодня где-то порядка 50 человек.

После приезда в поместье Корецких священника о. Понтия Рупышева в Михново была создана религиозная община, которая существует до сегодняшнего времени. Ее образовали мои родители и мои тети. Приехал такой священник, отец Понтий Рупышев, и вот под его влиянием и руководством они основали общину для людей, желающих религиозно жить и трудиться. Моим родным под движением своей души захотелось жить такой жизнью.

Но я была молода. Жить так, как жили мои родные, мне не очень-то хотелось, и до своего замужества я больше пребывала у бабушки Анастасии Дементьевны, которая вела светский образ жизни. Ее посещало много людей, она сама принимала гостей и выезжала с визитами. Под влиянием бабушки я много читала, и в моем воспитании преобладала светская сторона жизни. К поступлению в гимназию меня готовила домашняя учительница, которую специально для этого наняли мои родители. Она приезжала и жила в Кроше.

Михновские дети тоже учились в михновской домашней школе, в семинарии.

В те годы Виленский край принадлежал Польше. И это в некоторой степени вносило определенные особенности в нашу жизнь. Официальный язык тогда был польский. Мы прекрасно понимали, что очень хорошо было бы говорить на государственном языке. У нас дома в ходу был русский язык. Но на улице, в общественных местах, чтобы не обращать на себя внимания, мы между собою всегда говорили по-польски. Правда, моя мама, Мария Николаевна, польского не знала, и поэтому во всех магазинах она всегда говорила по-русски. Но так как это был капиталистический край и владельцы частных магазинов были заинтересованы в клиентах, ее всегда хорошо понимали и обслуживали.

Уклад жизни в поместьях был трудным. В сельском хозяйстве в те годы не было такой, как сейчас, техники. Простым людям тяжело жилось, они считали злотые, ведь сельскохозяйственная продукция была слишком дешевая, а товары в городе и запасные части для сельхозмашин были очень дорогими. Да и самим помещикам, хоть они и вели светский образ жизни, тоже жилось нелегко. Многие имения были заложены. Надо было не только налоги платить в казну, но и проценты в банк по долгам. И наступало время, когда приходили кредиторы и описывали имущество.

Но в михновском поместье жилось легче. Легче, потому что оно не было заложено и не имело долгов. Дедушка Николай Осипович был прекрасным хозяином. Он умело вел хозяйство, да так, что мы ни в чем не нуждались. А когда дедушка умер, бабушка на сбережения мужа построила церковь в Михнове. Но это произошло уже после того, как она побывала на богомолье в Оптиной пустыни в 1915 году. Оттуда она привезла икону Божией Матери «Спорительница хлебов», в честь которой воздвигла в поместье домовую церковь.

В Михново работали все, невзирая на происхождение. Отец мой трудился в поле, на мукомольне и на разных тяжелых

работах. Делал все, что было нужно: и землю копал, и убирал урожай. Вначале нанимали рабочих, потом обходились без них.

Когда создалась община, в нее поначалу приходили одни женщины, потом стали приходить и мужчины. Тетушки в полевых работах мало участвовали, но они вели домашнее хозяйство, занимались административными делами.

Анастасия Дементьевна поделила поместье между тремя дочерьми. Центральную усадьбу, Михново, она оставила Анастасии Николаевне; в Кроше обустроились мои родители, а в Гаю — Варвара Николаевна. В Кроше было более 150 десятин, в Михново и Гаю приблизительно столько же. Кроме того, один участок, где было несколько десятин земли, бабушка выделила для содержания храма. Скорбященская церковь была домовою и, в отличие от приходских церквей, в которых были прихожане, доходов никаких не имела. В ней молились домочадцы. Поэтому приходилось содержать храм от доходов, что приносила земля. Я уже говорила, что техники такой, как сейчас, тогда не было. В плуги, косилки, жатки, которыми жали зерновые, запрягали лошадей. Надо было идти вслед за жатками и вязать снопы. В имении содержалось много коров. Был у нас и арендатор, который арендовал помещение. Он скупал молоко и изготавливал сыры. И плата за аренду тоже являлась источником дохода. А вся продукция, производимая михновским хозяйством, шла на житейские нужды: уплату податей, на содержание насельников Михнова.

Борис Александрович Петухов был единственный врач в округе. Он оказывал медицинскую помощь, всем, кто в этом нуждался. Врачей тогда называли по-латыни словом «омнибус». Такие врачи должны были уметь делать все. Борис Александрович был земский врач. А это в одном лице и гинеколог, и хирург, даже больные зубы он вырывал. У него была маска для наркоза. Правда, аппендицит он не удалял. А вот гинекологические операции, чтобы помочь женщине во время родов, был просто вынужден делать. Роддома тогда не было.

(В беседу вступает дочь Ирины Вячеславовны Наталия Борисовна):

К операции подключались все члены семьи. Бывало, даже падали в обморок. Однажды привезли девочку. Лошадь ударила ее копытом в лицо, и оно все было размозжено. Электричества у нас не было, и мне пришлось стоять рядом и держать керосиновую лампу. Папа обрабатывал и зашивал рану. При виде рваной раны, запаха крови мне стало так плохо, что я еле-еле успела поставить на место лампу, и потом папа спасал уже меня.

Когда началась война, это был 1939 год, когда Германия напала на Польшу, мой муж окончил специальные курсы подхорунжих для врачей и пошел на фронт, — продолжила свой рассказ Ирина Вячеславовна. — Войска, где он служил, были окружены и с боями пробивались к Варшаве. А Борис Александрович во время осады Варшавы, если мне не изменяет память, был там комендантом большого военного госпиталя. А когда пришли немцы, он снял мундир и еще некоторое время работал в Варшаве в этом же госпитале, но уже как рядовой врач. Работал до тех пор, пока не узнал, что советские войска отступили. Тогда он решил, что это благоприятный момент, вернуться домой и с некоторыми приключениями перебирался через границы немецко-советскую, потом советско-литовскую. На границе, возле Шальчининкай, его задержали литовские власти. А тут появились дети-школьники, которые узнали своего доктора и закричали: «Это же наш доктор!» И только тогда пограничники поверили, что он из местных, ипустили. Так он вернулся домой. Все дело в том, что Борис Александрович проводил ежегодные осмотры школьников в 37 окрестных школах, включая Шальчининкай. Это была очень большая работа. Ранним утром ему подавали лошадь, и он уезжал на целый день. Поэтому не случайно дети узнали его на границе.

В годы войны немцы пригнали в имение Андриево человек сорок пленных советских солдат и там их временно разместили. Кормили их очень плохо. Они собирали и ели даже капустные листья. Пленные голодали и умирали от голода. И тогда Борис Александрович решил им помочь.

Вначале он обратился к населению, которое уважало своего доктора. На его призыв многие откликнулись. Жители, в основном крестьяне, привозили продукты, приносили одежду, стали приглашать к себе на работы. Пленных кормили и с собой давали им еду. Оказанием помощи пленным занялись и в Михнове. В Андриево специально вызвали священника, и михновцы обратились к немцам с просьбой приводить пленных на работу к ним. Немцы согласились. Это была зима, начинались морозы. Военнопленным надо было работать, они рубили дрова. Было холодно, люди мерзли. У них не было даже варежек. И тогда михновцы и для них, и для немцев-конвоиров за неделю связали рукавицы. Я помню, как пленных кормили. Они садились за стол и очень удивлялись тому, как много на столе было хлеба. А хлеб в Михнове выпекали в русской печке большими караваем. Сразу на стол подавали по несколько булок, нарезанных кусками. Поначалу голодные пленные быстро расхватывали хлеб с подноса, прятали его. А потом привыкли к тому, что хлеба хватает на всех. Пленных приводили в церковь, где они исповедовались, причащались Святых Христовых Таин...

Потом уже, когда освободили Литву, часть из них ушла на фронт. С фронта они писали письма, благодарили, обещали приехать. Однажды отец мой шел по Вильнюсу, а навстречу двигалась колонна солдат. И вдруг выскочили из колонны мужчины и, бросившись к нему, закричали: «Папаша, папаша!» Оказалось, что это были бывшие военнопленные, которые были в Михнове. Они узнали моего отца.

И во время, и после войны в Литве была сложная обстановка. В округе было тревожно и беспокойно. Но михновцев никто не трогал. Господь берег.

А в Тургелях менялись власти. Здесь также воевали и партизаны польской Армии Крайовой. Тургели являлся их центром. Партизаны выступали против всех: против немцев, литовцев, коммунистов. Тургели они взяли штурмом, когда там была литовская власть. В один из вечеров начался обстрел. Помню, как мы, дрожа от страха, сидели дома.

Неожиданно раздался стук в дверь. К нам пришел раненый литовский полицейский. Борис Александрович сделал ему перевязку и разместил у себя в кабинете. А потом забрал у него оружие и выкинул, так как знал: если придут польские партизаны, обнаружат раненого, да еще и с оружием, это плохо кончится для всех. Раненый укрывался у нас до утра. А когда партизаны ушли, он покинул наш дом. Литовцы сразу из Тургеля уехали, тут было опасно оставаться. Одну женщину, которая била валенки и по делам ездила в Вильнюс, обвинили в шпионаже и застрелили.

Один тургельский житель от кого-то узнал, что польские партизаны готовятся напасть на Тургели, стал всех предупреждать о грозящей опасности. Его расстреляли на площади. Очень было страшно.

В 1940 году в Литву пришли советские войска. Вначале было мало каких-либо изменений как в нашей повседневной жизни, так и в соседних имениях. Вывозки наиболее состоятельных домовладельцев и помещиков начались за неделю до начала войны. В это же время из Михново вывезли в ссылку двух моих тетушек — Анастасию Николаевну и Варвару Николаевну. Моим родителям Марии Николаевне и Вячеславу Платоновичу удалось скрыться.

А Анастасия Николаевна и Варвара Николаевна вначале были в Сибири, потом их отправили в Узбекистан в Коканд. В ссылке они ужасно голодали, и у них даже начинался голодный понос. Тогда еды всем не хватало. Мои тети рассказывали о том, как в длинных очередях за хлебом, который выдавался по карточкам, стояли матери с детьми, а мимо проходили люди, получившие свою пайку хлеба. Но ребяташки, познавшие голод, за ними и не тянулись, а только смотрели вслед голодными глазками.

Тети могли бы иметь более легкую работу, например трудиться в школе учителями, но там были меньше продуктовые пайки. И тогда они нашли другую работу: Анастасия Николаевна стала сторожем, а Варвара Николаевна — сиделкой где-то в больнице. Они все умели и

не гнушались никакой работы. Домой из Коканда тети вернулись в 1945 году. Папа Вячеслав Платонович старался делать все возможное для их возвращения. Он имел влиятельных знакомых. В первые же дни войны, когда стремительно наступали немцы, на восток бежали парторг Быков и его помощник. Папа, невзирая на то, что Быков плохо относился к михновской общине, для того, чтобы они смогли быстро уехать, дал им лошадь и телегу. Видимо, Быков оценил этот поистине христианский поступок моего отца, потому что, когда после войны Быков вернулся домой, то стал защитником Михнова. Папа не раз обращался и к генералу Хлебникову, который служил в Прибалтике и хорошо знал моего дядю, генерала Шафаловича. Хлебников выступал в защиту михновской общины и говорил о том, чтобы Михново оставили в покое, что ничего антисоветского там нет. Потом генерал Хлебников об этом сообщал моему дяде:

«Я там твоим помог».

Так, ходатайствуя через влиятельных людей, он добился разрешения вернуть в Михново, как ценных специалистов сельского хозяйства, Варвару Николаевну и Анастасию Николаевну. А верующие люди верят в то, что это было хранение Божие. Говорят о том, что за время войны михновская община не пострадала, только вот старших вывезли. И еще о том, что случилось чудо: все имения вокруг Тургель были разорены, а в Михнове помещики жили и умерли у себя в поместье ухоженные, досмотренные и всеми любимые.

Да и после войны не получилось общину разогнать. Тоже помогли покровители. Был такой Василенко. Он был секретарем обкома партии. О себе рассказывал, что в Сибири во время революции он, как рьяный коммунист, жестоко расправлялся с верующими. А потом его стали мучить угрызения совести, и он в силу своих возможностей защищал михновцев. Видимо, так пытался исправить зло, которое совершил в Сибири. Михновцы по совету своих покровителей вступили в колхоз, и он процветал. В Литве есть еще один

пример. Когда формировали колхозы, ксендз Казимир Колок стал председателем, и за ним пошли крестьяне. У него очень хорошо было поставлено дело. Но власти не позволили ему возглавлять колхоз и поставили условие: выбирай одно из двух: или ксендз, или председатель колхоза. С председательством в колхозе пришлось расстаться. Он остался ксендзом.

Сюда, в Михново, уже в советское время приезжал архиепископ Виленский Алексей (Дехтерев). Он написал книжечку «Два колхоза». Один из колхозов, о котором он рассказывал, был михновский.

В начале 1964 года при правительстве Хрущева колхоз

«Михново» был преобразован в совхоз. Это было связано с общегосударственной политикой укрупнения хозяйств. Тогда-то была организована и новая волна гонений на верующих. И здесь власти хотели решить сразу два вопроса. Укрупнить хозяйство и ликвидировать очаг веры. Михновский колхоз был объединен с Табаришками в совхоз — гигант, который простирался в округе на несколько километров. В Михново было маленькое обособленное, но хорошо организованное хозяйство. А когда Михново присоединили к большому совхозу Табаришки, все достижения в сельском хозяйстве и обработка земли, что имелись в михновском колхозе, сразу же были утрачены. Зато появились административные методы руководства. Но никакими административными методами дух христианский невозможно было искоренить. Михновцы, несмотря на то что они стали работниками совхоза, продолжали в новых условиях жить установленными в общине порядками и привычным укладом жизни. В советское время Михново не являлось поместьем Корецких, но для насельников общины все три сестры Корецких во все времена являлись их духовными руководителями.

В то же время члены общины, будучи работниками совхоза, жили в имении, но уже в совхозных домах и платили

квартплату. В те времена все дома, все постройки, все здания являлись совхозными. А после того, как Литва обрела неза-

висимость в 1991 году, бывшим владельцам стали возвращать их собственность. У нас сохранились все документы на владение имением, но наследники должны выполнять желание тех, чьи владения они наследуют. В данном случае желание моих родственников было однозначно. Они хотели, чтобы в Михново существовала христианская община. Что касается михновцев, то они трудятся на этой земле и заработали право получить ее в свою собственность.

Воспоминания сестер общины

Тамара Романова

Анастасия Николаевна меня отпустила на недельку, на две, чтобы устроить домашние дела у мамы, в деревню Мицкевичи, что в Белоруссии. У нее домик был старенький. Оттуда я сразу же поехала сюда. Когда вернулась, смотрю, у меня матрац сложен, думаю, что такое. Иду к Анастасии Николаевне, а она так строго говорит:

— Вот ты не послушалась, я отпускала тебя помочь маме на неделю-две, а ты пропала почти на целый месяц. Вот сейчас и поедешь жить к маме.

Как я плакала!

Анастасия Николаевна была справедливая и строгая. Сейчас тоже есть грамотные и интеллигентные люди, но в Михнове было другое воспитание, духовное. Видно, и строгость Анастасии Николаевны заключалась в воспитании, полученном от батюшки о. Понтия. Я не помню, чтобы она кого-то наказывала, но строгость ее проявлялась во всем: по отношению к себе, к окружающим ее людям.

Варвара Николаевна была лучшая из всех старших. «Она лучше всех меня понимает» — так говорила моя мама Ирина Степановна.

Мама так хотела к бабушке Понтию в Михново, что готова была все бросить. Варвара Николаевна поддерживала маму, в письмах писала: «Хоть ты и живешь в миру, но ты наша (так и отец Понтий маме говорил). Потерпи! Придет время, и ты будешь здесь жить».

Мария Николаевна была замужем. Она управляла хором на клиросе и нас всех хорошо понимала. Я не раз бывала у нее в гостях. Нас, детей, собирали в Кроше в гости, на елку. Там мы чувствовали себя свободнее. В Кроше всегда пекли и угощали нас вкусными пирогами. А в Михнове было строже. Несли послушание. По мере сил работали, убирали сено, резали сечку для коров, лошадей погоняли, когда зерно молотили. Однажды у Леонида¹ разбежались овцы: он очень любил читать и зачитывался так, что ничего не замечал. Хорошо помню, как мы отца Константина поздравляли с днем Ангела.

Уже после войны, когда организовывали совхозы, к нам в Москву приезжал Вячеслав Платонович Шафалович. Тогда власти пытались разрушить михновский колхоз, а он старался этому противостоять. Мы с мужем Алексеем Филипповичем Романовым уже жили в Москве. Вячеслав Платонович приезжал вдвоем с Ниной Ивашевич. Они ходили по министерствам, стараясь защитить и сохранить михновский колхоз. Наверное, это благодаря их усилиям сестер стали брать на работу в совхоз.

Помню, мама уезжала строить часовню в Михново. Она оставляла меня с братом с нянечкой дома в Белоруссии. Есть и фотография, где мама сидит и разбирает кирпичики.

Когда мы здесь жили, Екатерина Петровна Царик, родная сестра о. Понтия, была нашей учительницей. Она жила здесь, в Михново. Екатерина Петровна учила нас грамоте. Помню, как мы пели, а она играла на пианино. Правда, я один год училась в тургельской школе. Но здесь, в Михново, нам

давали хорошее образование. Екатерина Петровна была очень образованной и интеллигентной. У Александры Максимовны, ее дочери, было больное сердце, но она была человеком необыкновенной души и каждого согревала добром и улыбкой. Я ее очень любила. Александра Максимовна умерла раньше Екатерины Петровны.

Воспоминания записаны 25 января 2008 года
#1 Будущего архимандрита, о. Леонида (Гайдукевича).

Нина Ивашевич

— Не знаю, какими неведомыми мне путями узнала про отца Понтия моя бабушка. Тогда здесь была Польша, куда входила и часть Белоруссии. Отца Понтия все знали, и к нему много народа приезжало. Это был очень хороший священник, и его любил весь народ. Бабушка пошла в Михново, потом вернулась домой. Следом в Михново поехала моя мама. А когда возвратилась, мы собрали вещи и переехали жить в Михново. И было мне тогда только восемь полных лет. И слава Богу, всю свою жизнь, с 1923 года, живу здесь. Здесь я выросла и не жалею, всем довольна.

Пережить много чего пришлось и хорошего и плохого. В жизни не может быть все только или хорошее, или плохое. Но все пережитое я приписываю помощи Божией, милости Божией и трудам покойного отца Понтия, его учению и жертве сестер Корецких. А началось все с помещиков Корецких. Анастасия Дементьевна Корецкая построила церковь в Михнове и просила у виленского архиерея священника. Сюда и был назначен отец Понтий Рупышев, который тогда служил в Вильнюсе. Жена и дети его остались в России. Он был отлучен от своей семьи произошедшей в России революцией. Сыновья и дочь приезжали уже после его смерти, когда открылись границы; в Ленинграде живут его внуки.

Сначала отец Понтий приезжал в Михново, служил в храме. Почему батюшка таким удивительным образом влиял на людей и пользовался большим авторитетом? Он был

настроен очень духовно. Это молитвенник, он по Евангелию шел, учил жить так, как гласит Евангелие. А Евангелие гласит: веруй в Бога и служи ближнему, чтобы каждый ближний тебе как родной был. А отец Понтий так и делал — служил ближнему и жил по Евангелию. А оно было главным для него.

Батюшка сказал Корецким:

— Хотите жить вот так, служите людям, берите их. Сестры послушались указаний и советов батюшки, приняли их и стали служить ближним. Первыми насельниками в общине стали сами сестры Корецкие, две сиротки — Маргарита Чернова и Машенька Лаврова, которых они взяли на воспитание из приюта, и я с мамой.

Постепенно стали люди друг от друга о Михнове узнавать и начали приезжать сюда. Корецкие стали принимать их и служить им, как самым близким, как родным. Они послушались батюшку, пошли за ним. Они брали всех: и слепых, и хромых, и не смотрели, богат кто или беден. Они все свое состояние отдали людям.

В Михнове были две сестры: одна была на один глаз слепая, другая совсем слепая. Они дожили до самой смерти, и их похоронили здесь на кладбище.

Стоило нам заболеть, сестры Корецкие сами за нами, больными, ухаживали. Это и есть служение ближнему.

Особого такого ничего не было, а все молитвы, поучения от протоиерея отца Понтия. У него было церковное учение.

Богатства батюшка не искал. Жил вместе с нами, ел за столом вместе с нами. И батюшка, и Корецкие, и мы все садились за один стол.

Тут только милость Божия проявлена была.

Так собиралась община. В ней были только православные люди. Правда, иные работали, но не жили в Михнове.

Анастасия Николаевна и Варвара Николаевна были незамужние, а Мария Николаевна была замужем и имела дочь Ирину Вячеславовну. И мы, михновские дети, вместе с Ириной росли, играли вместе. У нас все одно было. Муж Марии Николаевны Вячеслав Платонович Шафалович всецело отдал себя на служение рабочим людям и сам плечом к плечу работал с ними. И сестры Корецкие тоже брали грабли, шли сгребать сено.

— *Отец Понтий умер в 1939 году от гриппа. Как вы жили после? Ведь были тяжелые времена.*

— Мы остались. С нами был отец Павел Томашевский. Он служил здесь в церкви. О. Павел был духовным сыном отца Понтия. Менялись власти, но мы жили в мире со всеми. Что нам с кем задираться. Ведь сказано: повинуйтесь начальникам вашим. Значит, так надо. А вот как я живу внутренне — это никого не касается, я живу как хочу.

А что требуют власти, мы должны выполнять.

— *А к вам не придирались?*

— Бывало, иногда подсмеются, кто-нибудь подденет.

А что на это внимание обращать?

— *Вы сохранили дом, людей. И сохранили все так, как жили до войны.*

— Это не нам принадлежит, а принадлежит Господу Богу. Бог сохранил и нас, и наших старших, которые все свое отдали людям и были вывезены в ссылку, а Он их возвратил назад. И мы их похоронили и здесь живем благодаря милости Божией. Ни кто-нибудь другой, а милость Божия нас сохранила. Так или нет — не знаю, но я в этом уверена.

А пережить много что пришлось.

— *После войны началось создание совхозов. Как к вам стали относиться?*

— Мы пошли в колхоз. Работали, и все наше было. А когда решили власти ликвидировать наш колхоз, то все наше забрали, сделали это совхозным. Мы и тут приспособились:

нам сотки земли дали, так и жили. Но теперь возвращают то, что общине принадлежало. Все или не все вернут, неизвестно, но постройки некоторые уже возвращены, дома уже вернули. Теперь и планы имеем на дома. А значит, Михново — это мой дом.

— *У вас хватит сил, хватит народу обрабатывать возвращенную землю? Сейчас к вам приходит народ, вас мало, принимаете кого?*

— Ну, это как Бог даст. Если человек захочет трудиться как полагается, пусть приходит. Пожалуйста! У нас не гулянье, а труд.

— *А если захотят семьей с детьми придти? У вас же здесь не монастырь.*

— Я не могу за всех отвечать, это как захотят. У нас не монастырь. У нас и семейные были. Дети их в Вильнюсе живут, а родители тут. И это может быть.

— *Сколько у вас народу в общине?*

— На этом участке, в Михнове, 39 человек.

К Михнову еще относятся Гай и Кроша. Как Анастасия Дементьевна поделила землю между дочерями, так участки эти и сохранились. А мы так живем: надо им помочь — поможем. Надо нам — они помогут. Живем как свои, родные, не как чужие.

— *Тургели — такое местечко, где живут и русские, и литовцы, и поляки. Как вы с ними общаетесь?*

— Очень хорошо. Мы не смотрим, кто он такой — русский, поляк, литовец, еврей. Каждый человек — Божий человек. Значит, и ты будь Божиим.

— *Всем, с кем я разговаривал, я задаю один вопрос: как вы считаете: если бы дворяне в России еще до 1917 года поступили бы так, как Корецкие, произошла бы в России революция или нет?*

— А Бог его знает. Была бы, не была. Это одному Богу известно.

Фрагменты интервью, взятого журналистами А. Асовской и Э. Гер, 1991 г.

Мария Мелюк

М. Мелюк живет и трудится в общине с 1937 г. Работала на кухне. Была келейницей А.Н. Корецкой.

В Михнове люди молились, верили в Господа и трудились не покладая рук. Жизнь общины очень хорошо знает Мария Мелюк.

— Отец Понтий родом с Белоруссии. Мы узнали о нем по рассказам богомольцев. Многие люди его хорошо знали: ездили и пешком ходили в Михново на богомолье. Они останавливались в гостинице, и батюшка их наставлял жить во Христе.

Он приезжал в нашу церковь в дер. Коновичи Молодечненской области. Мы познакомились с ним в нашем приходе и знали, что батюшка принимает в общину сестер, любит, жалеет их, как своих родных. И мы уже узнали и полюбили батюшку и эту жизнь, верили ему. Поэтому и решили с двоюродной сестрой Олей Шимон уйти в Михново. Мне тогда было 16 лет. Родители нас не отпускали. Как-то ночью, втайне от всех, я и Оля встали и вышли из дому. Чтобы родители не волновались, сестра на столе оставила записочку. Оделись в саду в заранее приготовленную одежду и пошли босиком в одних легких платьяцах. От Молодечненского района, что в Белоруссии, до Михнова — расстояние сто километров. Знакомой дорогой не пошли, боялись, что родители догонят и вернут домой. Шли два дня. Дорога была незнакома, много блуждали, у людей спрашивали, как добраться до Вильно. Так дошли до местечка Ошмяны. Добрые старушки пустили переночевать и рассказали нам о том, что в Михново в общину приходит много людей и что многие ходят туда пешком. Батюшку повсюду хорошо знали.

В Тургели пришли поздно вечером. Когда подошли к Михнову, там сестры стирали белье. Оля уже бывала здесь, и сестры ее сразу узнали. Они увидели, что мы идем, прибежали, встретили и привели нас в дом. И батюшка нас встретил радостно, стал расспрашивать, как мы шли, потом благословил и сказал:

— Отдыхайте.

Нас покормили и уложили спать. А утром позвали к батюшке. Там были и старшие — Анастасия Николаевна и Варвара Николаевна. Отец Понтий спросил у меня:

— Хочешь остаться? Я ответила:

— Хочу.

— А замуж пойдешь?

— Нет, батюшка, не пойду.

— Хорошо, живи.

А моей сестре Оле сказал:

— Она будет у нас.

Нам в Михнове понравилось. Я и Оля остались здесь, вошли в общину, стали жить и трудиться как все. Мы верующие люди. Здесь нашли свою семью, дорогую и близкую.

Меня приняли в сестры, и стала я нести послушание на общих работах и работала с радостью. Я в этом мире жила, этим держалась и всех любила, и меня любили и жалели, как в своей родной семье. Это мое утешение. Здесь все чисто, благородно, честно.

Батюшка заменял нам всем отца и мать. Я пришла сюда молодой и не чувствовала, что от семьи оторвалась, влилась в общину под батюшкину руку и как у отца жила. Он руководил общиной, исцелял больных, и когда он еще был жив, мы все

жили батюшкой. А когда он умер, Анастасия Николаевна нам заменяла и мать, и отца.

Анастасия Николаевна и Варвара Николаевна были как матери: смотрели за нами, как за родными детьми, учили терпению, смирению, помогали нам, лечили больных и постоянно напоминали нам, что любить надо всех.

Варвара Николаевна была сдержанная, спокойная. Анастасия Николаевна была более серьезная, она воздействием духовным обладала. Анастасия Николаевна на работу ходила вместе с нами. Мы серпами жали рожь, она снопы носила, вместе с нами сгребала сено. По утрам рано вставала и шла с рабочими за лошадьми. У нее и другой работы было много. А Варвара Николаевна старшей была в Гаю. Она и иконы писала. Ею написана Казанская икона Божией Матери, икона Спасителя, которая находилась в часовне, икона Страшного Суда, что в храме, портрет отца Понтия...

Здесь жила и батюшкина сестра Екатерина Петровна Царик. Она из Петербурга. Вместе они смотрели и за детьми, что воспитывались в Михнове, учили их читать, писать.

Когда я сюда пришла, в общине большинство братьев и сестер были из Белоруссии. Это крепкие духом, физически сильные и очень проворные люди. Они сильно отличались от нынешних братьев и сестер. Теперешний народ очень слабый и духом, и физически. Люди с трудом несут послушания, хотя и очень стараются. Вот сестра Наташа, молоденькая, ночами не спит, мало отдыхает, а у самой сил нет. Коровы болеют, она переживает. Сейчас сестры все больше живут с лекарствами, им куда труднее, чем нам было. Помню, Варвара Николаевна говорила:

— Человек здоровый после работы поставил лопату, вилы. Ночь пришла, он помолился и спит без забот. А вот если уставший, трудился кто на кухне, кто в коровнике, им труднее.

Не передать, как сестры стремились исполнить послушание! В шесть часов утра Анастасия Николаевна сама всех будила.

Надо коров доить. Стараешься раньше всех успеть, первой в коровник прибежать, чтобы больше для других сделать. Было понятие: если больше сделаешь для ближнего, награда для души от Бога будет большей. Мы жили как одна семья. Не было разделения — это мое, а это твое. Для всех, безо всяких привилегий, готовились один обед, один завтрак, один ужин. Все были равны и едины. Правда, болящим готовилась еда отдельно. Батюшка же вел более строгую жизнь. Питался один раз в день. А мы питались три раза, потом приняли решение питаться два раза в день. Такой подвиг брали на себя с благословения батюшки. Потом мы решили быть как он и стали просить у него позволения питаться так же, как и он, — один раз в день. На мои настойчивые просьбы питаться один раз в день батюшка сказал:

— Попробуй, но не сможешь. Сомлеешь. Я терпела долго.

Одна сестра без благословения батюшки решила поститься больше положенного. Эта ревность была не по разуму. Сестра совсем ослабела. Батюшка увидел это и сказал:

— Или уезжай, или творог кушай. Ты не способна здесь больше жить.

Есть творог в Великий пост — это было большое наказание за непослушание. Сестра пустилась в плач:

— Батюшка, буду все есть, только не отправляйте меня! В Великий пост у всех единый стол — постная еда. А ей поставят тарелку с творогом или чашку молока, и она со слезами ела творог, пила молоко. Послушала батюшку, окрепла. А самым страшным наказанием за непослушание было лишение Причастия.

Какие были установлены правила? Всем повиноваться и смиряться перед всеми. Мы все должны слушаться старших и жить единой семьей.

— О кончине отца Понтия я услышала дома в столовой. Было это в пять часов вечера. Мы только поужинали, пришла к нам Вера Степановна и говорит:

— Батюшка скончался.

Мы плакали и в шесть часов пошли к батюшке. К нему впустили всех. Батюшка лежал у себя в комнате, в Гаю. Мы же все пребывали в большом горе, но старались держать себя спокойно.

В это время в общине была эпидемия гриппа, многие сестры лежали с высокой температурой. Варвара Николаевна была на ногах, а Анастасия Николаевна слегла. У нее было воспаление легких после гриппа. Присутствовать на отпевании и проводить батюшку в последний путь она не смогла. Батюшка скончался в 1939 году, и в этом же году началась польская война. Помню, стали забирать на войну. Наши братья ушли добровольцами. Анастасия Николаевна их собирала.

За неделю до войны, 14 июня 1941 года, ранним утром приехала машина с чекистами, чтобы арестовать и увезти старших. Анастасии Николаевне, когда ее забирали, было сорок лет. Она была сильная духом, и ее не волновало, куда увезут и что ее ожидает. Она жалела детей, как своих родных, беспокоилась о том, чтобы сестры не разбежались, дружно жили, чтобы с ними ничего не случилось.

Анастасия Николаевна была спокойна, попрощалась с матерью Анастасией Дементьевной и вышла. Варвара Николаевна была уже в машине. А Мария Николаевна находилась у себя в Крошах. Она попросила чекистов, чтобы ей позволили одеться. Ей разрешили. Мы переодели ее в свою одежду, и она стала похожа на старуху. Мы ей сказали:

— Мария Николаевна, не показывайтесь.

А она вышла через парадную дверь и замкнула ее. Затем, никого не боясь, подошла к машине, где была Варвара Николаевна, попрощалась с нею и не узнанной пошла по полю в Гай, и там гаевские сестры спрятали ее в кустарнике. Для нас было большим утешением то, что Мария Николаевна осталась с нами. А куда повезли Варвару Николаевну и Анастасию Николаевну, мы не знали. Мы не знали, где был и

Вячеслав Платонович, только знали, что его разыскивают чекисты. Оказалось, он был в своем доме в Вильнюсе. Когда вышел из дома, то увидел, что за ним следят. Вячеслав Платонович зашел в парикмахерскую. Парикмахер сразу понял, в чем дело, и быстро сбрил ему бороду и волосы. И тут в парикмахерскую вошли два чекиста, спрашивают:

— Тут к вам дедушка заходил, где он? Парикмахер ответил:

— Никакой дедушка не заходил.

А Вячеслав Платонович успел выйти на улицу, идя по ней, обернулся и увидел, что за ним идут два человека; он сразу понял, что это за ним следят:

— Вижу, следят за мной. Я шел, шел. Смотрю, знакомые ворота открыты, я туда. Преследователи заметили и помчались через двор. А я заскочил к знакомым. И знакомые скрывали его.

Мы ничего не знали о судьбе наших старших. Везде письма рассылали, искали их. Ниоткуда не было ответа. И вот как-то после службы мы вышли на улицу. Александра Максимовна Царик сидела на скамейке, подняла руку и говорит:

— Письмо от Варвары Николаевны.

Мы ахнули и стали ее слушать. А Александра Максимовна рассказывает:

— Пришла женщина из леса, сказала:

— Вот вам письмо. Оно валялось на земле, я подняла его. На адресе написано «Корецкие». Я вам его принесла.

Так мы узнали, что наши старшие в Узбекистане, в Коканде. Они все описали, как остались в живых, где работают. Варвара Николаевна топила печки и убирала в бараке, помогала арестованным. У нее было больное сердце. Анастасия Николаевна работала на железной дороге, вагоны разгружала, уголь носила на носилках с одним старичком.

Голодно было, и они чуть с голоду не умерли. А в козушках, что из дому привезли, завелось много вшей. Когда старшие приехали, то рассказывали:

— По помойкам приходилось ходить, найдем шелуху какую, очистки и съедим, или в поле, когда с работы идешь, что-нибудь найдешь.

От этого Анастасия Николаевна и заразилась.

Один раз принесла репку, сказала Варваре Николаевне:

— Вот я нашла репку, будем ужинать с тобой. Счастье какое!

Очень сильно они голодали, купить продукты не за что было. Однажды, обессилив от голода, Варвара Николаевна не смогла встать. И тогда Анастасия Николаевна к начальнику кинулась, рассказала все ему и попросила что-нибудь поесть. Он налил ей котелок супа с мясом, дал кусок хлеба. Анастасия Николаевна побежала, накормила этим супом Варвару Николаевну. Это ее спасло.

Мы стали им посылки слать, письма писать. Анастасия Николаевна смеялась, когда рассказывала, как они с Варварой Николаевной получали по пятьдесят писем сразу. Все вокруг, особенно на почте, удивлялись, что это за семья там такая большая. Мы им стали и деньги присылать. Но старшие денег не брали, за ними следили. Их предупредила Мария Федоровна Жиркина, православная женщина, которая помогала им в ссылке:

— Смотрите, деньги на квартиру не берите, там, где вы живете, женщина нехорошая, она может на вас быстро заявить. Ботинки тоже не берите, они из Польши.

Деньги на почте оставляли и оттуда потом их брали частями, чтобы себе продукты купить. С женщинами, что на почте работали, делились. Потом старшие стали писать, чтобы много денег не слали, и мы присылали понемногу.

Мы стали хлопотать об освобождении их из ссылки. Жена одного начальника узнала у мужа, как правильно написать прошение, чтобы Анастасию Николаевну и Варвару Николаевну освободили. В прошении говорилось, что сестры Корецкие опытные специалисты сельского хозяйства. Они нужны михновскому колхозу для полевых работ.

Когда старшие получили бумагу об освобождении и надо было уезжать, Анастасии Николаевне довелось много хлопотать о том, чтобы разрешили выезд. А его долго не разрешали. Однажды, отчаявшись ходить по начальству, она легла на скамейку и сказала:

— Все больше не могу.

Потом, а это было уже в последний раз, собралась с силами и пошла. Им дали долгожданную бумагу.

Из переписки мы уже знали, что они взяли билеты и едут домой, каким поездом и когда будут в Вильно. И тогда запрягли лошадей и отправили на станцию две подводы. Помню, мы все встречали их около моста и видели, как лошади спускаются с горки. Тут и встретились. От радости все плакали, потом повели их в дом и устроили обед. У нас всего хватало: были и масло, и сыр. За Варварой Николаевной пришли сестры с ее участка, и она пошла с ними в Гай. В храме тогда отец Павел служил, а потом отец Константин. На обед собирались в половине первого. Перед обедом все шли на панихиду по батюшке. А пока старшие были в ссылке, каждый день служился молебен. На молебен приходили братья и сестры со всех участков.

Мария Федоровна осталась в Коканде. Но общение с сестрами Корецкими настолько повлияло на нее, что она желала с ними увидеться и приехала навестить их, а потом переехала в Михново жить и здесь умерла и похоронена († 1968).

В 1941 году началась война. В Михнове в доме разместился немецкий штаб, и все комнаты в доме заняли немцы. В домике, в саду, где жил батюшка, была установлена штабная радиоаппаратура.

Случилось так, что я в коровнике упала и поломала себе ребра. И тогда мы обратились за помощью к немцам. Врач, осмотрел меня, обвязал, как он сказал, «длинным полотенцем» и объяснил, что надо ходить. Он и Екатерине Петровне помог. У нас Татьяна Францевна Фольгатер разговаривала по-немецки, и немцы к нам относились хорошо, а мы их кормили. Немецкие солдаты нас угощали шоколадными конфетами. В имении Андриеево находились русские пленные. Их сюда, в Михново, приводили. Мы хотели им помочь, говорили немцам, что у нас для пленных есть работа: то печь выложить или стол сделать... Пленные на службах были, исповедовались, причащались. Мы их кормили и делали бутерброды, они их брали с собой, вязали для них носки, давали им портянки. Немец приведет их человек двадцать — тридцать, и пока пленные работают, сидит в комнате.

Мы с пленными сразу договорились, что будем им помогать, только чтобы они не убегали. Они днем у нас поработают, а вечером их обратно уводят. Двое из них умерли и у нас похоронены. Некоторые из плена освободились, живыми остались. Вячеслав Платонович даже встретился с одним из них. Он рассказывал нам:

— Я иду, а мне кто-то кричит:

— Дедушка, дедушка!

Я обернулся, вижу — мужчина. Он и говорит:

— Дедушка, это я был в плену, а вы нам помогали. Многого пришлось пережить. Страшно было, когда ни-

кого не было. Однажды, после ареста Корецких, мы одни остались. Ночью все спокойно спали. А утром приходит к нам женщина с Тургель и говорит:

— Скажите, какие у вас тут солдаты? Что за войско стоит здесь?

Мы отвечаем, что ничего не знаем, никого не видели, ничего не слышали, только встали. Никого нигде нет и не было — кругом была тишина. А она продолжает:

— Сегодня ночью деревенские вас пограбить хотели. Мужчин много собралось. Четыре пары лошадей запрягли. Только выехали на горку, смотрят — внизу, у Карасинога пруда, солдаты ходят. Мужики испугались, обратно поехали. Четыре раза пробовали ехать к вам. Подождут, подождут и опять едут. А там какое-то войско стояло, много солдат было. Все вокруг окружено было войском.

А мы повторяем:

— Да нет. Никого тут не было.

И правда не было. Это Господь нас охранял.

С 1918 года по 1937-й здесь была Польша. Часть верующих оставалась при Русской Православной Церкви Московского Патриархата, другая часть перешла в Польскую Автокефальную Православную Церковь. Батюшка, о. Понтий, остался с Польской Православной Церковью. А Анастасия Дементьевна Корецкая осталась в Русской Православной Церкви. Она верующая была, уезжала в Иерусалим. Это был трудный период, шло расслоение. Но, видимо, батюшка предвидел, что так будет лучше для сохранения общего уклада жизни общины и земель. Если бы община оставалась под Московским Патриархатом, можно было потерять земельные угодья. В России тогда большевики национализировали собственность. А польские власти понимали, что частная собственность неприкосновенна, хотя при храмах собственность отнималась.

Перед смертью батюшка говорил:

— Потерпите, многое придется испытать, но все пройдет и ничего не будет. Только в монастырь не вписывайтесь, как жили, так и живите.

А нас заставляли в монастырь подписаться. Монастырь было проще разрушить, общину — сложнее. Это время показало. Выстояли. Какую же надо было иметь силу духа, чтобы вытерпеть! В советское время даже писали, что монастырь скрывается под ширмой колхоза. Все пережили.

При советской власти у нас был создан свой колхоз. Нам один начальник, благородный человек, посоветовал так сделать. Он говорил:

— Создавайте свой колхоз, выберите своего председателя, бухгалтера. И в бумагах все чтобы было показано, что в Михново колхоз, и трудодни пишете.

Петра Гайдаровича, участника и инвалида Великой Отечественной войны, выбрали председателем. А Вячеслав Платонович Шафалович вел бухгалтерию, потом стал заместителем председателя колхоза, а Вера Павловна Крутько была бухгалтером.

Совхозный период в Михново длился 30 лет.

* * *

В Великий пост отец Понтий, зная, что Ниночка, которой было 11 лет, больна туберкулезом, сказал ее матери Анне, чтобы девочка ела скоромную пищу. Но мать девочки, очень верующий человек, не могла нарушить Великий пост:

— Батюшка, пусть лучше умрет, но пост не нарушает. И тогда отец Понтий наказал купить для Ниночки олив-

ковое масло, которое она пила каждый день. После окончания Великого поста выяснилось, что Ниночка здорова.

Батюшка, как врач, постоянно следил за состоянием здоровья и поведением сестер, проверял пульс и тем, кто ослабевал, назначал усиленное питание. Он говорил Анастасии Николаевне, какой сестре добавить в пищу яйца, сало, сметану и проследить, чтобы сестра ела такую пищу каждый день. Другой сестре назначит добавить к еде сахар или попить

несколько дней молока. Кого-то для поддержания сил на три дня освободит от послушания. Общий стол у нас был скромный, и батюшка давал слабеющим подкрепление. Он все видел и предвидел.

Батюшка при мне исцелил слепую старушку. Он ей сказал:

— Будешь видеть одним глазом.

Она прозрела и видела одним глазом.

Однажды привезли больную женщину. Она совсем не могла ходить. Побыла здесь, получила исцеление и своими ногами пешком домой пошла. Там дети ее ждали.

Исцелил и маленькую девочку. У нее руки были больные и не двигались. Она потом в школу пошла.

Одна сестра была очень больная, даже говорить не могла. Батюшка посмотрел на нее, опустил голову и спрашивает:

— Жить хочешь или умереть? Она отвечала:

— Батюшка, жить. Он говорит:

— Поживи, поживи.

Она исцелилась и потом долго еще жила и все сокрушалась:

— Ой, как тяжело жить!

Еще батюшка исцелил маму Глаши Микулич. Она не могла ходить. Пробыла здесь недели две. А впоследствии перешла в Михново.

Оля Крутько была молода, но очень тяжело болела. Батюшка ей сказал:

— Оля, хочешь отпущу на тот свет?

А она умирать не хотела — было жалко оставлять новую кофточку. Оля не стала говорить, что ей кофточку жалко, и промолчала.

А батюшка ей и говорит:

— Что, Оля, новенькую кофточку жалеешь, хочешь пофорсить? Живи! Только тебе будет очень трудно.

Она осталась жить, пасла коров до 80 лет, но слабенькая была. Ей было очень тяжело, и она часто говорила:

— Не послушала я батюшку, он бы меня отпустил в Царствие Небесное еще тогда.

* * *

Надя Курденюк была молодой, 34 года, когда сюда пришла. Пожила в Михново и стала сестрой. И вот начала одолевать ее тоска. Она пришла к батюшке и говорит:

— Батюшка, сестра вышла замуж, оставила одних родителей. Я все время думаю, как им одним будет очень тяжело.

Батюшка знал, что ее надо отпустить, и сказал:

— Ну, иди домой, к родителям. Надя рассказывала:

— Я пришла домой, немножко там пожила, и мне так тяжело сделалось, что я нигде не могла найти себе покоя. В церковь пойду — церковь не та, и родители мои — не мои, и молиться нет охоты. Что делать? Решила: пойду к батюшке проситься, чтобы он меня обратно взял. Батюшка согласился, но решили проверить, насколько окрепло мое решение. У нас у дороги стоял сеновал, а на дороге была куча больших и маленьких камней. Анастасия Николаевна пришла и сказала:

— Надежда, эти камни у нас не на месте лежат, перенеси их на другое место.

Носить камни было очень тяжело. Большие приходилось катком катить, маленькие в подоле платья носить. Долго так переносила, и наконец все было аккуратно сложено. Подошла к Анастасии Николаевне и говорю:

— Анастасия Николаевна, я камни все перенесла. Анастасия Николаевна посмотрела на меня и сказала:

— Хорошо, Надежда.

Прошло два дня. Анастасия Николаевна опять подошла ко мне:

— Надежда, мы ошиблись, эта куча камней раньше была на месте, а здесь она мешать будет.

У меня сердце кровью облилось, но не отказалась, смирилась и отправилась переносить кучу камней на прежнее место. Перетащила все камни, уложила в кучу, и больше проверок не было.

Ольга Корсак-Василевская

Мне 14-й год шел, когда дочку свою Соню и меня дядя Роман привез в Михново.

Он пришел к бабушке и попросил: «Я привез сюда своих детей, можно их оставить?» Отец Понтий ответил: «Твоя дочка будет здесь, а Оля уйдет от нас. Но ничего, она придет обратно». Потом Анастасия Николаевна нас позвала в свою комнату. Мы пришли. Помню, бабушка сидит в кресле, а мы стоим возле него. Соне он ничего не сказал, а мне говорит:

«Оле надо замуж идти». А я думаю: «Мне 13 лет, и надо замуж идти?» А бабушка продолжает:

«Ну, ничего, она придет ко мне». Бабушка говорил, что я уеду из Михнова и замуж выйду.

Так и получилось. После смерти отца Понтия я уехала. Вышла замуж. В Белоруссии у меня была семья: муж, двое

детей, и когда дети выросли, дочь замуж вышла, я вернулась. И слава Богу, что вернулась. Я ведь сюда из дому, можно сказать, убежала. У меня хорошие дети, они меня

не отпускали. А я сыну сказала, что сюда поеду. Он ответил:

«Мама, неужели я недостоин, чтобы тебя похоронить, ты же в детдом нас маленьких не отдала! Езжай, побудь и приезжай, я тебя всегда приму».

...А тогда батюшка направил меня в Михново к Анастасии Николаевне. Там были еще две маленькие девочки. Одна из них Ниночка Ивашевич.

Анастасия Николаевна любила нас. Она сильная духом и строгая была. И правильно, мы все были молодые. Нас распускать нельзя было. Если что-нибудь старшая по хозяйству сестра Аннушка Ивашевич говорила сделать, а я не слушалась, Анастасия Николаевна могла наказать крепко — батюшке доложить.

Для обеда в трапезной у нас было установлено время 35 или 45 минут. Обязательно надо было прийти в назначенное время. Если кто-то опаздывал и не успевал вовремя поесть, нужно было спрашивать разрешения. Раз спросишь, другой. А на третий раз Анастасия Николаевна строго скажет: «Надо стараться успевать». Она никогда грубо не говорила, а спокойно спросит: «Ну что ты, моя дочечка, ну что ты хочешь?» Если видит, что сестра тоскует, к себе позовет, поговорит. Помню, я заболела, пришла к ней, стала плакать. Жалуюсь: «Анастасия Николаевна, у меня болит голова, ухо болит. Я не могу подняться». Она позвала в комнату, села на диван, а я на пол и положила голову ей на колени. Анастасия Николаевна гладит меня по головке и говорит: «Ну что же ты, Олечка». Я и заснула. Проснулась — голова не болит. Говорю: «Анастасия Николаевна, простите, я заснула». Она отвечает: «Ну вот, а ты сказала — болит».

Мы батюшку очень любили, а батюшка нас любил. Когда службу заканчивал, приходил к нам на беседы. Сядет на стульчик возле печки, а мы, молодежь, рассядемся на полу, и

начнет рассказывать, как жил, как сюда приехал. Особенно интересно было слушать, как в Петрограде пришел к нему друг и сказал: «Быстрее уходи из города, потому что придут и тебя арестуют». Батюшка вспоминал: «Я попрощался с женой, детьми и поехал. В поезде молитву читаю. Нет с собой ни паспорта, ни билета. Чекисты вошли. У всех документы проверяют, а меня не заметили, прошли мимо». Потом все удивлялись, как батюшка остался незамеченным».

Нас отец Понтий молиться учил, говорил, чтобы мы читали везде Иисусову молитву, «Богородице Дево, радуйся».

— А если ты устала, — учил он, — то повторяй все время: «Господи, помилуй!» И помни — ты должна всегда каяться Господу.

Говорил: «Вы не жалеете себя, не жалеете крепко. Нужно делать не то, что нужно тебе, а что Богу угодно. Просить у Господа прощения за все, что ты сделал не так». Батюшка много молиться не рекомендовал, говорил: «Читай хоть два слова: “Господи, помилуй!” И перекрестись! Евангелие одну главу читай в день». Он нас любил без конца, жалел нас, говорил: «Милые мои, дети вы мои, я вас так жалею. Слушайтесь старших, они очень добрые, — Варвару Николаевну, Анастасию Николаевну. Мы молимся каждый день за вас».

Варвару Николаевну отец Понтий звал голубкой, Анастасию Николаевну — орлом, Марию Николаевну — ласточкой. Нам с ним никогда трудно не было. Батюшка все знал, все видел. И даже то, о чем ты и не думаешь, он уже знал, как будет, и предупреждал об этом. Он никогда и ни на кого не кричал. Чуть поспоришь, батюшка скажет: «Почему меня с сестрами не позвала, я бы тебе помог, а ты плачешь». Если грех сделал какой-нибудь, батюшка опять скажет: «Почему ты меня не позвала, я бы тебе помог?»

Батюшка в делах помогал. Если что-то не получается, плохо растет на огороде или на поле, батюшка придет, благословит, и тогда — дело спорится и все растет. Батюшка все

благословлял. Нам надо жито сеять, он отслужит литургию, молебен, тогда нам легче.

Старшие сестры все три участка держали: и Михново, и Гай, и Крошу. У нас послушаний было много. На службу ходили только по воскресеньям.

А как мы работали! Это сейчас легко стало. У нас же техники никакой не было. Тогда все вручную делали: сено косили, картошку убирали, снопы вязали, зимой их резали, зерно вымолачивали по три дня, потом его веяли. Все на телегах и санях возили. Коров много было, за ними ухаживали, кормили, доили. Приходилось в мороз в погребе картошку перебирать. Помню в Гаю в погребе хранили бураки, а там завелись крысы. Мы их боялись. А батюшка сказал:

«Поставьте судно с водой». Мы так и сделали, и все крысы утонули.

Сейчас сестры говорят: «Тяжело». А мы не понимали, что такое тяжесть. Мы молодые были — 15, 16, 17 лет. Но были сестры и вдвое старше, такие как Аннушка Ивашевич. Еще темно, а уже бежишь ток открывать. Коней запрягут, начинаешь зерно молотить. Летом батюшка Понтий часто приезжал к нам на поле. Бывало, приедет, увидит, что мы подустали, помолится, поговорит с нами и легко становится. Потом мы идем работать, а он поедет домой.

Все комнаты в доме, а их девять, были заняты. В нашей комнате жило восемь человек, и никто никому не мешал. Мы никогда по комнатам не ходили, на кроватях не сидели, даже в праздники не лежали на кроватях. Читай, пиши, что-нибудь делай. Сестры с послушания пришли, перекрестились и стараются друг другу не мешать. Старшие сестры показывали, как и что делать, и были примером для младших. А мы должны были старших слушаться и все выполнять. Я сюда приехала, делала все, что мне говорили. Никто ни на кого не обижался. Жили дружно. Было строго. Строгость нужна для очищения души. Она очень на нас влияла, мы знали — так надо. Но мы этой строгости не чувствовали, брали на себя

такие подвиги для того, чтобы жить с верой в Бога. Без батюшкиного разрешения ничего не делали, а если что-то сделали без его ведома — он не наказывал, но учил нас на примерах, как надо поступать. Тогда в общине было сто человек, и все жили в мире. Жизнь у нас была постническая, воздержанная. Батюшка много ездил по Белоруссии, его приглашали послужить на приходах. А мы постились. И сколько времени батюшка был в отъезде, столько и постились. Мы батюшку жалели и так помогали ему.

В Белоруссии: в Вилейке, в Нароче, в Куренце, в Речках, Узле, Княгинине — везде, где батюшка до войны ездил, ни одна церковь не была разрушена.

Евреи его очень почитали. Видят, он едет, звали в магазин, давали все бесплатно: «Бери, батюшка!» И даже благословение брали. Так почитали и говорили: «Батюшка нас благословит, и у нас все идет дóбре».

После службы в церкви батюшка приходил в трапезную благословить стол, говорил: «Дети, надо, чтоб хлеб всегда был на столе».

У нас одна сестра в скоромные дни без благословения постилась. И вот приходит Великий пост, в столовой работала Соня Баслык. Хорошая сестра была. Батюшка и говорит Соне: «Кружку молока ей давай и масла, и чтоб она съедала каждый день. Если не будет съедать, не выпускай из-за стола». А сестре сказал: «Будешь кушать, потому что ты свой пост пропостила». Она стала плакать, просить, а батюшка говорит: «Нет. Почему ты не взяла благословение?» Вот она так и ела до Страстной седмицы, а на Страстной батюшка снял наказание, разрешил ей поститься.

Если же какая сестра ослабевала, батюшка назначал ей пищу для подкрепления, ослаблял пост. У нас на столе всегда стояло три блюда — первое, второе и чай. Чай пили — чистый кипяток. На столе стоял самовар. Хлеб был ржаной. Белый хлеб пекли только на Рождество и Пасху. А теперь — чего только нет. Говорят сейчас, что жили мы в тяжелое время. А

нам жить было легче в десять раз, не то что сейчас, хотя всего и хватает. Время было совсем другое.

Как-то батюшка меня встретил и говорит: «Напиши мне свои грехи». Тогда я не понимала всего и ответила: «У меня их нет». А батюшка продолжает: «“Обижала маму” напиши». Потом он меня благословил и сказал: «Теперь можешь идти. — И спросил — Где сестра?»

Как отец Понтий других исцелял? К нему приезжали такие больные люди, которые не могли по немощи своей встать на ноги. Говорили: «Батюшка, помоги!» И батюшка помогал. Бывали и одержимые недугом пьянства. Батюшка исповедовал всех и за всех молился. Приезжающих спрашивал: «Ты когда в последний раз исповедовался?» Был и такой ответ: «Много лет назад». И человек по часу, а то и по два всю свою жизнь исповедовал. Приехала одна женщина. Она посты не держала. Батюшка ей не разрешил причаститься. Она поехала обратно и думала: «Почему меня не причастили? Наверное, потому что пост не держу». Стала поститься. А когда приехала опять — батюшка сказал: «Ну вот, теперь ты моя». Исповедь принял и допустил к причастию.

Когда отец Понтий был в Нарочи, к нему пришла одна женщина. У нее дочь лежала больная. Она и говорит: «Батюшка, помогите!» Отец Понтий сказал: «Она моя, отдай ее мне». Женщина говорит: «Она одна у меня». И батюшка ее исцелил.

Он обладал даром исцеления, был прозорливым, все видел, знал, что мы делали. Когда согрешишь, иногда отправлял к отцу Павлу на исповедь, а мы к нему боялись идти. А те, кто шел, стоят плачут.

Батюшка все знал, ему ничего не надо было говорить.

Бывало, придешь к нему за благословением, и если он видит, что ты уже совсем духом упала, скажет: «Подыми голову свою». Поднимет голову, погладит рукой и — все проходит, как будто и не было ничего. Сейчас страшный мир. Батюшка

знал все наперед и говорил нам: «Мы сейчас постимся, а тогда будут есть все. Будет очень тяжело, но вы не пострадаете». Он говорил, что это место будет стоять до второго пришествия Христа. А если здесь будет монастырь, то он не устоит, будет разрушен.

Праведный Иоанн Кронштадтский сказал об отце Понтии: «Это мой брат». Отец Иоанн очень любил отца Понтия, и батюшка, будучи его духовным чадом, часто ездил к своему духовному наставнику.

Когда батюшка скончался, я была в Михнове. Помню, как пришла Анастасия Николаевна и сказала: «Дети мои, мы останемся одни, без батюшки. Батюшка уходит от нас». Мы стали плакать, просить ее: «Наша ты мать, пойдти скажи, что мы будем всю жизнь поститься, только бы батюшка жил». Анастасия Николаевна пришла к нему, но батюшка ответил: «Я уже не могу оставаться, мне нельзя, надо идти домой». Анастасия Николаевна пришла к нам и говорит: «Нет. Батюшке надо уйти от нас». Вы знаете, сколько горя было! Я молодая была, думаю, если батюшка уйдет, я не выдержу. Когда батюшка умер, Анастасия Николаевна собрала нас всех и сообщила об этом. Она всем его духовным чадам послала телеграммы. Батюшку не хоронили, пока не приехали отовсюду те, кто его знал. А сколько людей было из Белоруссии, верующих разных конфессий!

Когда стали хоронить, всем было очень тяжело. На кладбище люди кричали: «Батюшка, зачем ты нас покидаешь? Почему ты от нас уходишь?» Мы стояли и плакали. Была выкопана не могила, а что-то вроде погреба сделано. Опустили гроб, сверху досками закрыли, немного песку насыпали. Был плач, крик, все попадали на колени.

Часовню, где он покоится, построили до войны за одно лето. Многие приезжали строить из Белоруссии. Если бы мы не построили в то время, пришли бы большевики, и что было бы? Мы на поле ходили собирать камни для часовни. Есть даже фотографии, где мы раствор мешаем. Я когда могла, ходила к батюшке каждый день на могилу. Анастасия

Николаевна нам очень помогала. Она поднимала в нас дух. Отец Понтий умер в 1939 году. А вскоре началась война.

Нина Трусова

Нина Трусова приехала в Михново из Москвы. Она была назначена старшей в Гаю после смерти Аглаиды Понтиевны Рупышевой, дочери о. Понтия. Нина встречает, устраивает и провожает паломников, занимается хозяйственными делами, распределяет послушания. Следит за тем, какие работы нужно сделать на ферме, в саду, в огороде, на кухне. Сама трудится в молочной, перерабатывает молоко на творог, сметану, масло...

— Я сама сюда пришла. Как узнала о Михнове? Совершенно случайно. Господь дал узнать. Посещала храм, где служил в свое время отец Леонид, но его еще не знала. Просто шла из церкви домой, и мне кто-то из прихожан сказал:

— Бабушкам помочь надо яблоки убирать. Может, вы сможете? Давайте поедem в Литву. У меня отпуск как раз был. Я и поехала в Михново.

Мы остановились в гостинице. А перед отъездом в Москву, когда нас все провожали, я внезапно разрыдалась. Сопоставила свою жизнь с жизнью общины. Так бывает, что Господь в определенный момент жизни открывает духовный кругозор — твою духовную жизнь, твое будущее. И у меня как-то вдруг раскрылась душа. Мысли сами идут, как молния:

— Матерь Божия, я живу, как клоп. Получаю зарплату в организации и питаюсь трудами чьими-то. А я хочу жить для Бога. И что это за жизнь, когда от тебя нет никому никакой пользы? А здесь, в Михнове, все живут друг для друга. Матерь Божия, приведи меня сюда!

Анастасия Николаевна смотрит на меня. А я думаю:

«Сейчас скажет: плакса». А она кому-то говорит:

— Вот благодать Божия!

Господь знает, какими путями вести. Когда духовность охватывает человека, с этого момента он совсем по-другому все видит. Так и я, приехав в Москву, поняла, что хочу в Михново, я там нужна и лучше там послужу ближнему. Это и стало целью моей жизни. Осенью, после моего переезда в Михново, мне сделали операцию. Первому приступу, случившемуся со мной еще в Москве, я не придавала значения. Может быть, и на второй не обратила бы внимания, но в общине на всякие недуги очень быстро реагируют. Показали меня профессору, и он сказал:

— Срочно на стол.

Не знаю, как было бы в Москве, но Промысл Божий привел в Михново. Я потом батюшке, показав на небо, сказала:

— Не попала туда. А он ответил:

— Душа дала уже Богу ответ: ты покончила с той жизнью, и тебе жизнь ради Бога стала дороже. Господь оставил тебя жить ради ближнего, чтобы служить ближнему. Вот это и угодно Богу. И тогда дается жизнь, здоровье. Все тебе Господь и дает.

Божией милостью я здесь уже 42 года. Мама из Москвы в Михново переехала. Сначала она в отпуск сюда приезжала, смотрела, как я здесь живу. Дома в церковь ходила, брала благословение на поездку, а когда вышла на пенсию, все спрашивала:

— Батюшка, можно я в Михново перееду? А батюшка ее наставлял:

— Как ты оставишь мужа? У тебя семейное послушание. Когда папа умер, ее благословили на переезд. Ей было

70 лет, но мама не побоялась, что ей будет трудно, и десять лет здесь послужила Богу. Здесь и похоронена.

А я занята была в совхозе с утра до вечера, изо дня в день, из года в год. Не было времени помочь в Гаю по хозяйству, да и

нельзя было там оставаться. Управляющий придет, начинает выяснять: где человек, почему его нет?

В совхозе нам давали самую тяжелую работу. Можно было слышать: «Вон эти монахи, пусть они и делают». Зимой приходилось возить навоз. Через забор из телятника его выкидывали и грузили на деревянную телегу — скрыню. Эта была нелегкая работа. В навозе были торф и длинная солома, его было тяжело брать вилами. А тут еще и совхозницы мирские:

— А ну давай, поворачивайся. Что, задаром будешь хлеб есть? Успевай накидывать столько, сколько мы накидываем!

Городским было особенно трудно. Ничего, с Божией помощью управлялись. А летом: с мая месяца — свекла, посев, потом прополка. Сначала поменьше было, а в последнее время давали на одного человека до семидесяти соток. Прополок было три, нужно было руками прополоть только что пробившиеся всходы и позже ополоть и взрыхлить мотыжкой каждый бурачок, и еще селитрой растения подкормить. Совхозники на работу выходили всей семьей, а я одна. Кто мне поможет? Поэтому мама брала отпуск, приезжала и мне помогала. В междурядье трактор проходил, но этого было недостаточно. Приходилось ряд со всходами пропалывать, рыхлить. А когда была уборка, то убирать доводилось до 30 тонн. Свеклу нужно было выдернуть из земли, обрубить ботву и погрузить на трактор. Помогать некому, все сама. Но с Божией помощью управлялась. Слава Богу! Господь везде помогал.

В совхозе работала гаевская сестра Анечка Алексеева. Как ей было тяжело! Она, правда, недолго ухаживала за телятами. А их ей дали сразу тридцать. Анечке приходилось таскать муку в мешках весом в 50 кг. Мешок надо было снять с телеги, что стояла на улице, донести и взвесить на больших весах, а потом опять отнести, положить на телегу и отвезти на ферму. А как везти, если лошадь запрягать не умеешь? А разве кто будет ждать, когда ты научишься? Раз взялась, давай делай. В Михнове не прописывали десять лет. В совхозе было условие:

прописывать только тех, кто согласен работать на ферме доярками. Но она сказала себе: буду здесь жить, и все! И даже если выгонят, обратно в Москву не поеду! Пусть с котомкой за плечами, но пойду за Богом! И жила! Работала, как Бог даст. А Господь все Сам устроил, кругом помогал.

Когда я приехала сюда, меня сразу определили в Гай. У нас Гай скитом называют. Обычно скитом называют место, куда монашествующие уходят в затвор. У нас нет затвора. Но обстановка здесь более молитвенная, нежели в Михново. Там больше мирского, потому что в Михново из мира приезжает больше народа. А здесь сравнительно уединенное место. Да и батюшка Понтий жил в Гаю. Он стремился к уединению и даже хотел сделать здесь неподалеку, в лесу, себе шалашик, где мог бы предаваться уединенной молитве.

Когда решался вопрос о работе, мне предложили должность бухгалтера в Тургеляй. Но Варвара Николаевна сказала: «У тебя не будет времени: по утрам на автобус должна будешь успевать. А во сколько будешь обратно приезжать? Ты ведь ни в утренней, ни в вечерней молитве, ни в общей жизни общины участвовать не сможешь. Будешь жить, как и в Москве жила». И это так. Я и в Москве могла бы деньги зарабатывать. А работая в совхозной бухгалтерии, лишаешься молитвы и общине не сможешь. От должности бухгалтера я отказалась и была согласна на любую другую работу. Мне стали предлагать работу доярки, телятницы. Потом Бог дал, стала работать в полеводстве. Это было хорошо, появилась возможность в Гаю помогать по хозяйству. Утром встанешь, коров сможешь подоить, и самое главное, можно молиться вместе со всеми и быть ближе к жизни общины.

Возлюби ближнего! Здесь все живут друг для друга, и ты живешь для ближнего. Это и есть главная цель. Это Божие призвание, то, к чему тянется душа. Это внутренний зов. Когда это приходит, думаешь: «Это мое!» Но здесь не монастырь. В общине нет монастырских устава, обетов, обязанностей, обязательств. Ты — свободный человек. Можешь прийти, можешь уйти — тебя никто не держит. Опять же, это Божия сила и Божия воля.

Мама что здесь жила, все меня звала:

— Нина, поедem хотя бы на неделю в отпуск в Москву. А меня туда не тянет. У меня там ничего не осталось. Родные сестры каждый год звали, да и сейчас зовут, сюда приезжают. А я ехать в Москву не хочу. Мне ни разу не захотелось вернуться к прежней жизни, там неинтересно. Да разве без меня Москва не устоит? Я из города и, живя в нем, увидела два мира, два образа жизни, и хочется людям, что в мире живут, явную истину объяснить: люди, откройте глаза! Проснитесь, посмотрите, где истина и что надо делать! А здесь же собрание людей, живущих единой семьей в христианской общине, той, что похожа на общину первых христиан. Я — здесь! Здесь мой дом!

Духовное не передать словами — все надо самим прочувствовать. А те, кто сюда приезжает, вначале не могут этого осознать. А когда окунешься в эту жизнь, поживешь здесь, тогда многое становится ясным и понятным. Тогда и сам духовно возрастаешь, приобретаешь опыт духовной жизни. Главное — это смирение и терпение.

Часто можно слышать, что Михново — удел Божией Матери. Почему удел? Здесь жизнь идет ради Бога и помощь нам оказывает Божия Матерь. В конце вечернего молитвенного правила читается молитва Спасителю и Пресвятой Богородице. Ее составил батюшка о. Понтий. Он и указывает, что здесь удел Божией Матери, Ее наследие. И слепой может увидеть, какие огромные площади земли, многие гектары надо обрабатывать. А нас мало. Да и разве мы могли бы обработать все угодия сами? А Господь дает силы, посылает сюда людей в помощь, и сообща, с Божией помощью и помощью Божией Матери, все делается: косится и убирается сено, пашется земля, собирается урожай, присматривается скотина... А наша Покровительница икона Божией Матери

«Спорительница хлебов» — не только Спорительница хлебов, но и душ наших. Пока Царица Небесная в доме, Она — наша Хозяйка и Защитница. Если бы Богу было неудобно, не существовало бы это место. Посмотрите, сколько вокруг было

имений, но все они были разорены, и даже камня в память о них не осталось. А Михново сохранилось! Значит, Господь Сам избрал это место и поселил здесь родителей старших. Это место, благословленное Богом. Какой удивительной любви был отец сестер Корецких Николай Осипович! Он семью всем обеспечивал. У них в роду у всех была доброта необыкновенная, и она передается из поколения в поколение. Господь на этом месте основал обитель. Такую милость они заслужили своей добротой. Они были богатыми людьми, побарски жили. Однако на свои средства построили церковь. Когда умер Николай Осипович, Анастасия Дементьевна с детьми отправилась в Оптину пустынь за благословением строить домовую церковь. Старцы благословили и наказали:

— Стройте, стройте, у вас будет много детей. Им предсказывалось жить духовной жизнью. И постепенно по молитвам отца Понтия в Михнове началась созидаться духовная жизнь. Многое пришлось пережить: лихолетье военного времени, революцию, ссылку, гонения со стороны властей. При советской власти здесь был колхоз, затем совхоз, потом уже сельскохозяйственная христианская община.

Все в прошлом. А Михново стоит! Сколько всего претерпели о. Понтий, старшие, братья и сестры общины! В последнее время батюшка, зная, что вскоре покинет эту обитель, уделял много времени сестрам Корецким. Подолгу беседовал с ними, учил духовной жизни, как сохранить общину в этом бушующем житейском море. Он отменил даже встречи с паломниками, поскольку предвидел, что для общины наступят нелегкие времена.

Всю свою жизнь отец Понтий посвятил служению Богу и людям. Сестры Корецкие — его воспитанницы, продолжатели его духовного наследия. Батюшка Понтий повернул их жизнь так, что они стали настоящими подвижницами. Мария Николаевна была венчана в браке. Браки Анастасии Николаевны и Варвары Николаевны Господь отвел и направил их на служение ближним. И все то, чем мы сейчас

живем, Он через старших нам передал, и жизнь в общине продолжается.

Это же надо было иметь такую огромную силу духа, чтобы выстоять! Сестрами Корецкими все принималось как дар от Бога. Они отличались от мирских людей. Вглядываясь в их лица, можно было сразу же сказать: это человек Неба! Какие глаза! Они улыбаются и тебя обнимают с любовью. Бывало, один только взгляд тебя так утешит, что становится очень легко, снимаются тяжесть, переживания, стихает боль, чувствуешь, что тебя понимают, за тебя, за твою душу молятся. Просто взгляд — и все!

После смерти батюшки все объединились вокруг Михнова. Много его духовных чад приехало из Беларуси. Миром стали строить часовню, и архитектор нашелся, родной брат Веры Павловны Крутько — Владимир Павлович. За одно лето он сделал проект часовни и моста через речку Меречанку.

В послевоенные годы, когда стали разгонять общину, молодежь приняла решение работать в совхозе и взять на себя присмотр за стариками. И сегодня за нашими старенькими насельницами ухаживают сестры. Они здесь жизнь прожили в трудах, вере в Бога, служа ближним, и отсюда уходят в свой последний путь. Мы их хороним, а потом вписываем их имена на личное поминовение и всех усопших поминаем на службах, в утренних и вечерних молитвах, и не только в церкви, но и на всех трех участках. Для этого мы и живем.

Какими были первые насельники, и какие они сейчас? Тогда люди были напитаны молитвами о. Понтия. За всех, приходящих в Михново, он молился. Люди сами шли, зная, для чего они сюда идут. Это сейчас сюда попадают Промыслом Божиим и только позже осознают, что на то была воля Господня, а значит, и я сюда попал не случайно. Человеку из мира трудно попасть в эту обитель. И только Господь сюда его приводит. Случается, они болеют: и душевно, и духовно, и физически. Такие испытания может выдержать только сильный верой человек. Так отец Понтий

собирает свое стадо. Но бывает человек не здесь живет, но он наш, и опять же это Господь так его приводит. Все совершается по молитвам батюшки Понтия и старших. И дай Бог, чтобы это продолжалось.

Сейчас в мире произошло оскудение любви. Это отмечают все, кто сюда приходит. Они говорят, что чувствуют, что-то не то в мире творится, а что — понять не могут. И только пожив здесь, приобретя духовное содержание, начинают анализировать состояние своей жизни до Михнова. В миру духовность выхолащивается средствами массовой информации. Раньше тоже были бездуховные времена, а теперь бездуховность повсюду. А ведь у каждого человека есть искра Божия. И здесь, в нашей общине, она получает полный расцвет. Но для этого надо много над собой поработать, научиться смиряться. Идти духовным путем нелегко, но люди с Божией помощью преодолевают все испытания. Жить ради ближнего! Вот это путь, которым мы идем, ради чего живем. В немощах сила Божия совершается! Это видно по деяниям отца Понтия, старших. Сестры Корецкие многое видели, многое пережили. Они были богатыми и знатными людьми. А отдав свое богатство людям и служа им и Господу, стали духовно богаче. Люди их круга не могли этого понять. По молитвам о. Понтия получили они благодать большую, у них сложился опыт духовного руководства. Это уже потом, когда старшие отошли ко Господу, сестры в общине осознали, как в жизни надо служить ближним и как жить. А для этого надо к Богу обратиться. Сестры Корецкие были великими людьми. Их надо было знать, чтобы понять глубину их веры. И только такая глубокая вера сдвигает горы. Приехала я в Михново на Тихвинскую 9 июля 1971 года.

Тогда Варвара Николаевна еще ходила на трапезы. Правда, недолго. Потом режим уже больше был постельный и ей из столовой приносили еду. Она пост сохраняла. А в день после причастия ни лекарств, ни уколов не принимала. Говорила:

«У меня лекарство уже было — выше лекарства нет». Да и человек она, можно сказать, небесный. Она художницей была. В те времена иконы негде было купить, и она их здесь, в

Гаю, писала. У нас есть написанные ею иконы: в Гаю Смоленской Божией Матери, в часовне — Спасителя. Каждой сестре или брату ко дню Ангела дарились иконки, написанные Варварой Николаевной и племянницей о. Понтия Александрой Максимовной. Когда они работали, всегда очень тихо было.

В келье Варвары Николаевны висели иконочки — Спасителя, Матери Божией, преподобного Серафима Саровского. В Михново в совхозные времена было свое подсобное хозяйство. И вот приходит старшая сестра по хозяйству

к Варваре Николаевне и говорит:

— Что делать? Все ушли в совхоз на работу. У людей уже огороды вспаханы, а мы никак на поле навоз не вывезем — некому.

А ночью снится ей сон: старичок приходит, нанимается на работу. Она ему говорит:

— А что ты умеешь делать?

— Все могу, — отвечает он.

— Да куда тебе «Все могу»!

— Я тебе все сделаю, — пообещал старичок.

И действительно, все было сделано вовремя. Видимо, преподобный Серафим приходил по молитвам Варвары Николаевны и помог. Варвара Николаевна все время ему молилась и нам наказывала:

— Просите преподобного Серафима.

Когда мы работали в совхозе, ни минуточки свободной не было. Утром перед работой к иконе Божией Матери приложишься, а потом и к Варваре Николаевне подойдешь поздороваться. В обеденный перерыв забежишь, сядешь у краешка кровати на стул, ничего не говоришь, а просто

близость ее ощущаешь, видишь, что тебя понимают, молятся за тебя в это время. Во взгляде любовь, и через молитву от нее передается благодать. Чувствуешь, как во время молитвы с тебя снимается тяжесть внутренняя, внешняя. Варвара Николаевна — человек молитвы, такой молитвы, что даже словами не передать. Это я уже со временем поняла. А тогда только помощь ощущала. Конечно, хотелось многое сказать, но вечером поздно с фермы приходила, для разговоров времени не оставалось. Да и не нужно было ничего говорить, ей было многое открыто. Она и сама подолгу не разговаривала, только спросит:

— Как ты? Как у тебя дела в совхозе? А иногда просто взобьет яичко с сахаром добела и скажет:

— Нина, на тебе гоголь-моголь.

У нее была глубокая внутренняя молитва. Она человека чувствовала. Такой дар ей был дан. Работа в совхозе для городского человека, непривычного к большим физическим нагрузкам, была тяжелой, и без молитвенной помощи, какую оказывала Варвара Николаевна, было не выстоять. Сестры приходили к ней, когда им было очень тяжело. Она умиротворенно действовала на всех. Всякие волнения, обиды, неустройства могла тут же погасить в каждой сестре, помогала им найти выход из трудной ситуации. Нет, она никого не обличала, а очень мудро управляла сестру, да так, чтобы сестра не обиделась. Много не говорила и не приводила примеров, голоса никогда и ни на кого не повышала, умела своим духом управлять. Пару слов скажет, а глаза, глаза — как небо голубое, и улыбающиеся, как будто сама благодать расплескалась в этих глазах. Это не просто материнские глаза, в них чувствовалась сила свыше. Ее присутствие в Гаю по сей день ощущается. Это дела духовные, их просто так не объяснить. Если Анастасия Николаевна была решительной и мужественной, то Варвара Николаевна отличалась мягким нравом и нежностью. Обе сестры имели сильные характеры, одинаковое духовное содержание и твердую веру. Но разница заключалась в том, что Анастасия Николаевна могла сразу остановить, когда видела, что

человек идет неверным путем. А у Варвары Николаевны был мягкий характер, она больше брала молитвой и терпением. Случалось, сестры в общине ссорятся между собой, а она за них молится. У нее была всепрощающая любовь, которая безотказно и благотворно действовала на сестер с разными характерами. Она была очень деликатна и терпелива, не могла никого от себя оттолкнуть или резко сказать: «Нельзя!» Даже батюшка Понтий звал ее Варечка, Варенька. Помню, у нас старшая по хозяйству была Лидия Захарич. Хозяйство нужно было правильно вести, и ей приходилось часто подсказывать, как и что делать. Варвара

Николаевна беспокоится, просит позвать Лидию:

— Скажи ей, пусть придет.

А та не приходит. Варвара Николаевна терпеливо ждет, хотя дело требует срочного решения. Терпение ее было просто безгранично.

Сестры Корецкие были очень дружны между собой, поддерживали и во всем доверяли друг другу. Помню, привозили их на колясочках по дорожке. Во время встреч они беседовали, обсуждали многие вопросы, а зная свои трудности, помогали друг другу советом, возносили совместную молитву к Богу и обращались за помощью к батюшке Понтию. Если говорить о ссылке, то там Анастасия Николаевна оберегала старшую, Варвару Николаевну, и большую часть работы на себя брала.

От них исходила большой силы благодать. Порой достаточно было только одного их взгляда, чтобы в себе ее ощутить.

Корецкие по происхождению из дворянского сословия, а значит, по советским меркам, являлись «врагами народа»,

«чуждыми элементами», «эксплуататорами». А какие имели права? Никаких. У них отняли свободу, возможность пользоваться какими-либо благами.

Мы же все работали, получали зарплату. Были здесь и сестры, которые получали пенсии и имели возможность что-либо себе купить. А старшие пенсии не получали, жили очень скромно. Однако в день Ангела каждой сестре они обязательно дарили подарочек.

О себе сестры Корецкие не любили говорить, тем более делиться с кем-то. А если о чем-то спросишь, больше молчали. Время-то какое было! Попробуй-ка кому-то что-либо сказать в открытую. В совхозе работать приходилось с разными людьми. Они по-разному себя вели. Сидишь рядом, картошку перебираешь, молчишь.

Даже в условиях постоянной слезки и доносов старшие старались нам помогать. А им Господь помогал через молитву. И старшим, видимо, было известно, с какими угрозами домой идешь. Они видели, в каких условиях братьям и сестрам приходится находиться и какая помощь нам нужна. Сами же были немощны здоровьем, но силой духа держали михновскую семью. Такое не объяснишь. Это надо прочувствовать, чтобы понять. А старшим еще и жизнью общины приходилось руководить. Здесь требовалось соблюдать большую осторожность. Вдруг кто-то донесет...

А мы, чтобы сохранить общину, представляли положение дел следующим образом: для окружающих мы не члены общины, а просто в церковь ходим. Живем как все и считаемся работниками совхоза. И чтобы быть похожими на мирских, мы даже по-разному одевались. Представители органов власти исподтишка интересовались у насельников общины о поведении сестер Корецких. Но насельники любили своих старших, оберегали их, старались молчать и на провокационные вопросы не отвечали.

У старших же практически отсутствовали условия духовно окормлять сестер. Помогала им только благодать Божия, глубокая вера, молитва и вера тех, кто прибегал к их молитвенной помощи. А без веры и полного и искреннего доверия к старшим очень трудно было помочь стремящейся к спасению душе.

В Михново хорошо известно о том, как батюшка Понтий говорил, что жизнь в общине будет продолжаться до последнего часа. Во все времена со дня основания христианской семьи она протекала, хранимая Божией благодатью, молитвами батюшки Понтия и старших. Когда они почили в Бозе, всем нам невероятно было тяжело. Но молитвы старших чувствовались и после их кончины, а вера держала и до сих пор держит сестер и братию общины. А это большое подспорье для всех.

Первой из сестер Корецких в 1976 году отошла ко Господу Варвара Николаевна. В последние дни перед кончиной ей тяжело было ездить в церковь. А возили ее в колясочке. Но наступил день, когда ей стало совсем плохо, но она стала собираться на службу. Маргарита, увидев, в каком она пребывает состоянии, сказала:

— Варвара Николаевна, оставайтесь дома, вам плохо. А она ответила:

— Нет, Маргарита, поеду. Это был последний праздник в ее земной жизни, кажется Вознесение, — ее последнее Причастие в храме. А потом уже раз в месяц, не чаще, ее причащал о. Константин дома. Она этим жила. О своей болезни она никому ничего не говорила, ни на что не жаловалась. А вот ссоры и размолвки между сестрами чувствовала на расстоянии. И если сестры где-то не ладят между собой, смотришь, из дома уже бегут:

— Варваре Николаевне нужно сделать укол. Плохо с сердцем.

«Ага, — думаю, — где-то поссорились». Варваре Николаевне кололи строфантин. Однажды пришли сестры в домик, спорят, и каждый доказывает свою правоту. А Варвара Николаевна плачет. Я тоже там оказалась, стою тоже плачу и говорю:

— Варвара Николаевна, как вам тяжело терпеть!

А у спорящих сестер ничего серьезного и не было. Просто не желали друг другу уступать. Варвара Николаевна молилась за

всех. С ее уходом, не имея такой молитвенницы, духовная жизнь стала слабеть. Да и сестры стали приходить более слабые духом, а молитвы за них такой, как у Варвары Николаевны, уже не было.

В 1978 году умерла Мария Николаевна, затем в 1979 году Анастасия Николаевна. С их уходом внутри все плакало. Страх не было, была печаль сильная. Но утешала мысль о том, что милость Божия велика, все в руках Божиих, что Господь все устраивает. Господь веру давал, и мы верим: раз Он сюда нас привел, значит и дальше нам помогает. Все только на милости Божией держится и силою Божиею все совершается. Своего ничего нет.

Раньше сюда приходили спасаться верующие люди. Сейчас другие идут. Каждый идет своим путем, но цель одна — ради Бога. Господь милостью Своею хранит общину долгие годы и все милостью Божией держится.

Слава Богу за все на свете!

Воспоминания записаны в Гае в 2009 г.

Свидетельства о чудесах отца Понтия

Рассказ А.Н. Петровского

Был со мной такой случай в Михнове. Пришел я однажды в Михново как богомолец. Захожу, как обычно, в гостиную, захожу в мужскую комнату. Вижу там моего знакомого брата во Христе Иосифа² (нынешнего протоиерея Иосифа), сидящего за сапожной работой, шьющего теплые комнатные ботинки из овчины. Я поздоровался с ним и спрашиваю у него, для кого он шьет эти сапожки. Он говорит мне: «Для дорогого Батюшки». Я посмотрел на них и подумал про себя: «Какой счастливый Иосиф, сподобился Батюшке такую

услугу сделать», — и мысленно как бы позавидовал. Ведь я тоже это мастерство сапожное знаю и всегда, когда посещаю Михново, занимался сапожной работой, но мне никогда не приходилось ничего сделать для дорогого Батюшки.

И что же получилось? На следующий день приносит мне Мария Николаевна от дорогого Батюшки сапоги и ботинки в ремонт. И не замедлил меня утешить дорогой Батюшка. Тут я сразу понял, что Батюшка знал мою недобрую мысль и скоро постарался меня утешить.

Рассказ одной духовной дочери дорогого Батюшки Анны с деревни Леоновичи

Был с ней такой случай. Когда по просьбе духовных детей Батюшки священник их прихода пригласил дорогого Батюшку в свою церковь помолиться, она в это время была в храме на литургии, которую Батюшка Понтий служил, была с грудным ребенком. Она поисповедовалась, и ей очень хотелось принять с Батюшкиных рук Св. Тайны. Но ей не пришлось исполнить свое желание из-за своего грудного ребенка, так как дорогой Батюшка по слабости здоровья не смог приобщить всех без исключения, потому что было очень много причастников, и он, причастив всех, передал Чашу приходскому священнику причащать тех, кто был с малыми детьми. И поэтому Анне с малым ребенком пришлось принять Св. Тайны из рук своего священника. Она об этом очень скорбела и на следующий день утром во время утренней молитвы сильно плакала. И что же Батюшка тут же предстал ей в полном облачении пред иконами, благословил ее и стал невидим. Она так обрадовалась этому явлению Батюшки, что говорила: и объяснить не могу, что я пережила в то время. Эта женщина глубоко верующая, и ее этому рассказу, без сомнения, можно верить.

Дивны дела Божии.

* * *

Крестьянин деревни Балаши Вилейского района рассказывал про несчастный случай, который постиг его в молодых годах его жизни.

Однажды один почитатель покойного дорогого Батюшки протоиерея Понтия, известного подвижника и праведника того времени, пригласил его посетить его дом. Батюшка исполнил его сердечную просьбу. За ним следовало очень много народа, желающих увидеть любимого Батюшку и получить благословение. Этот человек, по имени Елисей, был в то время отъявленным атеистом. Это почтение, которое оказывали его односельчане Батюшке, сильно озлобило, и он в злобном ослеплении сказал: «Вот чтобы поломать ему ноги, чтобы он не ходил здесь и не обманывал людей». И что же — в тот же день он сам сломал свою ногу и тогда осознал, что его Господь наказал за хульные слова, которые он произнес на богоугодного пастыря. Это он сам рассказывал в присутствии нескольких соседей.

Рассказ А.Н. Петровского, какой сон видела его жена Ольга перед приездом дорогого Батюшки Понтия Рупышева в город Вилейку

Является ей во сне студент духовной семинарии, брат диаконши нашего Касуткого прихода, молодой, красивый, и говорит ей: «Я хочу взять тебя за жену». Она сказала ему:

«Как же я пойду за тебя, ведь ты такой молодой и красивый, а я... У меня дети, и я старая». Он говорит ей: «Мне моя мать хвалит тебя, что ты очень хорошая, никогда не клянешь и не ругаешь детей своих, так к ним хорошо относишься. Вот в воскресенье будет в Вилейке Спас (это так у нас называют праздник Преображения Господня), будет мой дядя с Рабуни, он хочет поговорить с тобой, и тогда я обязательно тебя возьму к себе». На этом она и проснулась. Она очень удивилась и рассказала свой сон мне. Мне же показался этот сон ее знаменательным, так как я жил уже под руководством дорогого Батюшки Понтия и мне очень хотелось, чтобы и она

поисповедовалась у него и стала жить под его руководством, но она никак не соглашалась. Мне было уже известно, что дорогой Батюшка по приглашению Вилейского священника и прихожан будет в воскресенье служить литургию в Вилейском храме. Мне же показался ее сон благодатным, и я рассудил его таким образом. В виде студента ее посетила спасающая Благодать Божия по Батюшкиным святым молитвам, так как я просил Батюшку всегда молиться за нее. Дядя же студента — это дорогой Батюшка. Слова же студента, что он хочет поговорить с ней, это исповедь у Батюшки. Спас же, названный студентом, это великое духовное торжество, так как всегда при посещении Батюшкой какого прихода собиралось множество народа, желающего увидеть его и помолиться с ним. Слова же студента, что мать моя хвалила Ольгу, что она не клянет детей, это мне показалось с обратной стороны, так как у Ольги при детских проказах часто вырывались в раздражении клятвенные слова, что есть гибельно для нее. Мать же студента — это молитва Матери Божией, Которая всегда молится о всех грешных, а по молитве такого праведника, как наш дорогой Батюшка, особенно. Батюшка же при посещении других приходов никого не принимал к исповеди, и желающие быть у него на исповеди должны были приходить к нему в Михново, а так как от нас до Михнова было расстояние 100 с лишним километров, то нужно было иметь сильную веру в силу Батюшкиной любви к Богу и в силу его святых молитв, чего, конечно, живя мирской жизнью, она не понимала. Когда же я ей объяснил свое предположение о значении ее сновидения, она согласилась с моим мнением и пожелала идти со мною к Батюшке в Вилейку. И мы с ней после богослужения попросились к Батюшке на беседу. Батюшка нас принял, и когда она стала просить Батюшку принять ее к исповеди, и я тоже умолял Батюшку принять ее под свое руководство. Батюшка, обратясь ко мне, сказал: «Ну хорошо, принимаю, только по твоей просьбе». А обратясь к Ольге сказал: «А ты смотри, у меня бич длинный, достанет, где хочет». Этими словами Батюшка предупредил ее строго держаться его наставления и исполнять, что ей будет сказано. Батюшка же при исповеди требовал строго соблюдать церковный устав и вообще жить истинно христианской жизнью, на что и

требовал от исповедующегося у него твердого обещания. И в тот же вечер она была на исповеди у Батюшки и на следующий день приняла от него Св. Тайны. И так сон Ольги исполнился в точности. Из этого сна ясно видно, какое великое дерзновение было у Батюшки пред Богом.

* * *

Однажды в день Святой Троицы был я в михновском храме, где служил дорогой Батюшка протоиерей Понтий. После вечернего богослужения я и со мною человек семь мужчин, тоже богомольцы, из разных мест пришедшие помолиться, пошли в отведенный для богомольцев дом, называемый гостинной, где нас накормили и нам, мужчинам, была отведена комната рядом с кухней, где мы и улеглись отдохнуть, так как время уже было позднее, около 11 часов ночи. Старшая сестра, заведующая гостинной, Феодора, и некоторые из женщин богомолки остались убирать посуду после ужина, а мы, лежа, стали тихонько между собой разговаривать о своих житейских делах, можно сказать, шепотом, потому что после ужина громко говорить запрещалось. Я же стал спрашивать одного знакомого мне богомольца, с которым я познакомился год тому назад здесь же, в этой гостинной, Владимиром, который тоже, как и я, пришел тогда по случаю болезни по совету людей, которые жили под руководством Батюшки. Здесь я должен несколько объяснить о своей болезни, благодаря которой я предался духовному руководству дорогого Батюшки. Болезнь моя была, по определению врача, сердечная и сильное расстройство нервов и расширение сердца. Выражалась эта болезнь в сильном томлении духа; меня, до сего времени жизнерадостного человека, поразила невыносимая тоска, так что жизнь мне совершенно опостылела, всё, что меня раньше интересовало и развлекало, совершенно опротивело, и я от такого душевного угнетения совершенно ослабел телом, так что мне доктора приписали лекарства для укрепления организма и усиленное жирное питание, как то коровье масло, яички, мясо и вообще побольше питательной пищи. И вот на таком лечении я прожил более года. Вид наружный у

меня изменился, так что посторонним посмотреть на меня со стороны — никто не мог признать меня больным. Но в сущности я не был здоров. Телесная слабость меня не оставляла, а духовное состояние ничуть не улучшилось, а дальше становилось хуже, так что жизнь мне стала невыносимой. Я пробовал развлекать себя водкой, куреньем, но от этого мне становилось еще хуже, так что объяснить состояние моей души другим невозможно. И вот из такого мрачного состояния меня, по молитвам дорогого Батюшки, Господь избавил, и я стал совершенно здоров. Вместо жиров и самой питательной пищи и лекарств Батюшка потребовал от меня строго соблюдать посты по уставу святой Церкви Православной, не пить водки, не курить, и вообще мне пришлось в корне изменить всю жизнь. И вот этот мой знакомый, Владимир, про которого я веду речь, впал в такое же точно состояние, какое было у меня, поэтому я ему то же посоветовал, как и те, которые его направили к Батюшке. И он решился твердо отдаться под руководство Батюшки. И Батюшка его поисповедывал и приобщил Святых Таин и принял под свое руководство. Он был холостой, болезнь его отняла у него желание жениться, потому что в таком состоянии ему было не до женитьбы, и он, чтобы удержать хозяйство, решил выдать замуж сестру, которая с мужем и вела хозяйство, а он как мог помогал им. И вот здесь, в гостинной, и шел у нас разговор о его жизни. Он мне сказал, что по молитвам дорогого Батюшки здоровье наладилось и живу хорошо, только одно плохо: что муж сестры человек мало верующий, и, когда приходится, во время уборки с поля в праздники сушит сено, возит снопы и, конечно, меня привлекает к тому же, и я, во избежание раздора, помогаю ему в этом, хотя и сознаю, что плохо делаю. Тогда я ему говорю, что я сам слышал от Батюшки, как он строго относится к соблюдению праздников и позволяет только самые необходимые работы, такие как приготовление пищи и кормление скота, а ты боишься раздражить шурина, отказаться, а не боишься нарушить устав Святой Церкви, который Батюшка требует исполнять. И вот только мы это говорим, как послышался шум в кухне, пришел дорогой Батюшка со старшими сестрами, и прямо к нам в комнату. Мы от неожиданности как лежали в тельном белье, так и вскочили.

Батюшка поставил нас в ряд, пересчитал и, сказав несколько слов в шутку, говорит серьезно: «Вот, братья, я слышал, что вы более угождаете людям, нежели Богу. Когда вы не знали и делали бы это, были бы биты мало, но когда узнали и будете так поступать, то будете биты много. Поняли?» — «Поняли», — сказали мы, и Батюшка более ничего не сказал, благословил всех нас и ушел. Мы все так удивились, как Батюшка точно слышал наш разговор и пришел только укрепить слова, сказанные мною моему собеседнику, который сразу понял свою неправильность в поступке относительно праздничных работ, так как он действительно угождал более своему шурина, боясь его раздражения, нежели гнева Божия за нарушение Его святой заповеди. И он тут же решил изменить порядок своей жизни. Он, придя домой, решил жениться. Женился и разделился с сестрой и стал жить с женой, строго держась Батюшкиного учения. Здесь нам всем, бывшим в этой комнате, ясно открылась Батюшкина прозорливость, так как во время нашего разговора Батюшка был в другом доме на расстоянии около ста метров у старшей сестры Анастасии Николаевны, а передать наш разговор никто из сестер, мывших посуду в кухне, не мог, потому что мы говорили с ним совершенно тихо и через стену, наш разговор был совершенно не слышен. Мы сразу все поняли, что Батюшке был свыше открыт наш разговор и Батюшка предвидел, что мой собеседник на этот наш разговор не обратил бы внимания и продолжал бы жить по-прежнему, угождая человеку, творить неуютное Богу, и он тут же решил прекратить этот грех в моем собеседнике и в поучение всем нам, бывшим там, что и совершилось.

**Рассказ одной девицы, бывшей сестры
михновской Анны Шарафанович, о том, как при
первом свидании Батюшка назвал ее по имени**

Была я еще молодой девушкой. Прослышав, что многие ходят под Вильно к святому (как у нас его называли) Батюшке, великому подвижнику, по молитвам которого многие больные и скорбные получали помощь, меня это очень заинтересовало, и я возымела желание побывать у

него. В скором времени случай мне представился. В начале осени несколько старушек и несколько молодейших женщин пожелали сходить к Батюшке Понтию. Этим удобным для меня случаем я воспользовалась и отправилась с ними к незнакомому еще мне Батюшке. Одна же из собиравшихся старушек, по имени Наталия, соблазнилась грибами, так как это было самое грибное время, а в эту осень их было особенное изобилие, и она решила остаться и сказала своим спутницам, что она с ними не пойдет, а придет позже. Когда же мы прибыли к Батюшке, он нас радостно встретил и тут же, обратясь ко мне, весело воскликнул: «О, и Анюта к нам пришла!» Я этим так была поражена, откуда, думаю, он знает мое имя, так как я его в первый раз вижу, и мои спутницы тоже удивились, а он потом добавил: «А почему же Наталия не пришла?» Нас это всех еще более удивило, ведь про Наталию ему же никто не говорил и не вспомнил даже. Откуда он мог знать, что она собиралась с нами идти? Тут мы ясно поняли, что Батюшка прозорливый и ему Господь всё открывает. И я тут же решила в себе остаться жить при Батюшке в числе принятых уже им раньше нескольких вдовиц и девиц, и, побыв несколько дней, я попросилась у Батюшки принять меня в свою семью, и он согласился. И я, таким образом, осталась жить в Михнове в сестрах.

Рассказ одного почитателя Батюшки из деревни Левоновичи, Андрея

Прослышав от своих знакомых, что старшие сестры, руководящие хозяйством в Михнове, в духовной семье дорогого Батюшки Понтия, желают нанять работника для помощи в хозяйстве, ему это пришлось по сердцу, и он собрался в Михново, желая там устроиться (жить) на работу. Шел он пешеходом, и, не доходя верст пять до Михнова, встречается ему едущий на повозке, незнакомый священник. Он снял фуражку и сказал: «Здравствуйте, Батюшка!» Священник ему ответил: «Здравствуй, Андрей! Иди, иди, там тебя ожидают». И поехал. Андрея это очень удивило, откуда он знает его имя и что он идет в Михново, ведь он его видит в первый раз и его не знает. А это ехал дорогой Батюшка в село

Побень, где Батюшка всегда служил литургию, так как церковь Побеньская была консисторией поручена Батюшке для обслуживания. Когда же Андрей пришел в Михново и рассказал про свою встречу со священником и что он ему сказал при встрече, то все сразу поняли, что Андрей встретил дорогого Батюшку, который ехал в Побень. Тут для всех сестер и Андрея ясно открылась Батюшкина прозорливость.

* * *

Бывший брат Батюшкиной семьи Михаил Петровский рассказывал, как он во время беседы с Батюшкой спрашивал о загробной жизни своих умерших родителей и Батюшка ему сказал, что отец помилован, а мать — в аду, за нее нужно молиться. А потом Михаил попросил Батюшку помолиться о спасении души его брата Семена, живущего в то время в Сибири в городе Омске, где он жил с молодых лет, работал на железной дороге, имел свою семью, взрослых детей. Батюшка ему ответил: «Да, он будет здесь жить». И эти слова Батюшки сбылись в точности. Этот разговор Михаила с Батюшкой происходил, когда Виленская область находилась под властью Польши, управляемой Пилсудским, и Михаилу представлялось это невозможным, так как брат его Семен жил далеко за границей, под управлением Советской власти, а граница была закрыта. И что же получилось? В 1939 году Польша была разбита Гитлером. А через некоторое время Гитлер был разбит советскими войсками, и Литва вошла в состав Советского Союза. Граница открылась, и братья узнали место жительства друг друга. И вот после долгой разлуки (так как Семен, брат Михаила, уехал с родины еще в юных летах, и Михаил остался ребенком) Семен приехал в Михново повидаться с братом и, пробыв несколько дней, уехал опять в Омск и после приезжал несколько раз. А когда приехал в последний раз, Михаил был тяжело болен и в присутствии Семена умер. После похорон брата Семену предложили остаться жить в Михнове, и он остался, где и прожил несколько лет и умер.

Итак, слова дорогого Батюшки, сказанные Михаилу, что Семен здесь будет, исполнились в точности.

Рассказ духовной дочери Анны Шарафанович, которая жила в семье Батюшки Понтия

Когда я жила в семье дорогого Батюшки в Михнове, я очень скорбела о своем брате Григории, которого я оставила в деревне на хозяйстве, от которого я ушла в Михново к Батюшке Понтию. Брат мой, Григорий, хотя был неплохого поведения, но жил, как и все деревенские жители того времени, были верующими, но устава святой Православной Церкви не хранили в чистоте. В своей жизни Григорий не считал за грех вырубить без спроса в государственном лесу для своей нужды дерево, лишь бы только не попасть на глаза леснику, и многое другое, несогласное с уставом святой Церкви. Я это знала, и мне очень хотелось, чтобы он побывал на исповеди у дорогого Батюшки, который вразумил бы его. И я молилась за него и Батюшку просила молиться за него. И вот однажды я вижу такой сон. Вижу я во сне брата Григория, который привез ночью из леса воз бревен и сгружает его со своей подводы в своем подворье. Тут увидела дорогого Батюшку около себя, который говорит мне:

— Вот смотри, ты всё просишь меня молиться за него, а он что делает?

И тут я проснулась. Меня это забеспокоило. Я тут же решила написать брату письмо. Описала ему свой сон и просила дать мне ответ, чем он был занят такого-то числа ночью. И что же, когда брат прочитал мое письмо, его сразу поразило это совпадение моего сна с действительностью, так как он в ту ночь действительно был занят этим делом. Он сильно забеспокоился и решил переменить свои мнения и равнодушие в своей жизни. Незадолго перед этим побывал в Михнове, исповедовался у дорогого Батюшки и стал ревностным исполнителем устава святой Православной Церкви, который дорогой Батюшка требовал строго исполнять от каждого, кого исповедывал.

Рассказ духовного сына дорогого Батюшки Понтия, как Батюшка открыл ему свою кончину

Было это во время посещения нашего речковского приходского храма Батюшкой Понтием по приглашению нашего священника и прихожан, которые жили под руководством дорогого Батюшки, в том числе и я. Когда Батюшка приехал к нам, он остановился в моем доме, откуда я возил его в наш храм для совершения Божественной литургии. И вот, когда я вез его домой после богослужения, Батюшка как-то неожиданно сказал: «Ну, Иосиф, я уже с тобой больше не поеду». Мне показалось, что Батюшке не понравилась езда со мной, что я плохо везу его на лошади. Я не подумал, что Батюшка мне дал намек о своей близкой кончине, а только когда он вскоре после того умер и ему больше не пришлось посетить наш храм, тогда я понял, что этими словами он намекнул мне о своей близкой кончине.

Рассказ михновской сестры Веры Азончик, как ей, семилетней девочке, дорогой Батюшка предсказал жизнь в михновской семье

Было это со мной во время посещения Батюшкой касутского храма, куда он был приглашен по просьбе нескольких прихожан касутской церкви и их настоятеля посетить их церковь, помолиться с ними. Когда мои родители узнали о приезде Батюшки в Касуту, сейчас же собрались в дорогу, взяли с собой всех своих детей, из которых я была самая старшая, желая всех нас приобщить Святых Таин из рук дорогого Батюшки, которого они почитали и были его духовными детьми. Запрягли лошадь в телегу и, усадив всех нас, поехали в Касуту. Здесь же мы все приняли Святые Тайны из рук дорогого Батюшки, и после богослужения мать моя попросилась к Батюшке на беседу и взяла меня с собой. А отец остался с меньшими детьми. Во время нашего посещения Батюшки с ним были две михновские старшие сестры, Анастасия Николаевна и Варвара Николаевна, которые сопровождали его. Батюшка благословил нас и весело прижал меня к своей груди и, обратясь к Анастасии

Николаевне и Варваре Николаевне, сказал: «Эта девочка будет наша, будет жить в Михнове у нас». А обратясь к маме, сказал: «А ты, Ирина, смотри, не удерживай ее, когда она будет просить тебя отпустить ее к нам». Так впоследствии, спустя несколько лет, слова Батюшки точно исполнились, и я вошла в михновскую семью.

Рассказ михновской сестры Надежды Готовко

Был при мне такой случай. Шел Батюшка по саду дорожкой с несколькими сестрами, и навстречу ему бежит по дорожке незнакомая мне женщина, падает Батюшке в ноги и радостно говорит ему: «Ах, Батюшка дорогой, какая радость для меня, что я вижу Вас!» И тут же рассказала, как Батюшка исцелил ее во сне от тяжелой продолжительной сердечной болезни. Как Батюшка явился ей во сне и сказал ей кушать хрен, и будешь здорова. Но она этому сну не поверила и побоялась есть хрен. Через несколько времени Батюшка опять является во сне и говорит: «Почему же ты не кушаешь хрен и не слушаешь меня? Кушай, и будешь здорова». Я тогда решила исполнить Ваш совет и стала кушать хрен, и совершенно выздоровела. И вот теперь я пришла к Вам и радуюсь, что могу видеть Вас и лично поблагодарить за оказанную мне Вами великую милость.

Батюшка на это сказал:

— Это не я тебе являлся, а мой Ангел.

Из этого рассказа мы видим, какое великое дерзновение у Батюшки пред Господом.

¹ Рассказы духовных детей дорогого батюшки протоиерея Понтия Рупышева, из которых можно видеть его прозорливость.

² Протоиерей Иосиф Бычок (1.03.1903–27.06.1998). Умер на покое на участке Гай.

<http://mihnovo.ru/index.php/knigi/15-protoierej-pontij-rupyshev-t-2>